

Владимир Горовой

Путь бегуна

6+

Владимир Александрович Горовой

Путь бегуна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63604576

SelfPub; 2022

Аннотация

Работа следователя по особо важным делам почти всегда связана с определенным риском, но когда буквально всем на проклятой богами планете выгодна ваша смерть, остается только БЕЖАТЬ...

Владимир Горовой

Путь бегуна

Ритм, ритм, ритм. Дин спал и видел сон. Раз за разом старейший выстукивал мозолистыми лапами по горячему песку ритм Гона, а он, лун сорок от рождения, и еще с десятков такого же молодняка, безуспешно пытались угнаться за наставником. Солнце опаляло сквозь молодой, еще не проросший как следует пушок, не успевшие огрубеть подушечки лап обжигал раскаленный песок и царапали его вездесущие крупинки. Бесконечного, вечного песка вокруг.

Дин бежал. Ритм, ритм, ритм. Еще два подъема и будет указующая скала, в тени которой старейший остановится, и пока молодняк будет отдыхать, начнет вещать своим старческим голосом. Легенды одну за другой. В сотый или тысячный раз Легенду о холодном песке, Легенду о Даре и шести вратах, Легенду о прежних наставниках, снова и снова.

Дин не видел этого сна так ярко, со времен ухода из деревни в поселок небесных хранителей. Он помнил прощальную процессию, глаза, глядящие ему вслед, и где-то в конце процессии серо-голубой хохолок Изы. Бросив последний взгляд на деревню, он легко перешел на экономичный Бег путешественника, и вплоть до трех скал, отмечающих край владений их клана, боролся с желанием обернуться. Давно зажившая нога перестала его тревожить много-много лун тому на-

зад, но, все же старейшие не дали ему разрешения участвовать в будущем весеннем беге. И именно из-за того, что разрешение этого он мог не дожидаться вовсе, он вызвался идти к небесным стражам. Впрочем, все было решено раньше, еще задолго до того, памятного летнего бега, когда Дин повредил себе ногу и надолго остался в деревне с молодняком и старейшинами.

Решено тогда, когда молодой Дин, не удовлетворившись стандартным набором легенд и песен, пришел к хижине старейшего Ага – хранителя летописей и попросился в ученики. Дин был быстр, силен и вынослив и мог прийти к любой хижине. Но старейший Ага был хранителем самого большого и самого древнего архива летописей шести племен, когда-то населявших территорию от долины шести врат, до самого Большого Барьера. Сейчас на этом огромном, по меркам Народа, участке жило только племя Онн, к которому принадлежал Дин. А еще Иза, синяя шерстка, была назначена помощницей в дом Уны – знающей травы. А дом Уны стоял прямо рядом с домом Ага, и в него не брали юношей, только девушек. Зато у Уны было много помощниц – пестрая стайка девушек с приходом утра выбегала в предгорья, а вечером так же стремительно вбегала обратно, оставляя за собой терпкий запах лечебных трав. И Дин каждое утро провожал их взглядом, когда чинно, как и положено единственному ученику хранителя знаний, входил в дом наставника. И иногда, ему удавалось углядеть, в плотной группке желтошёрстных

учениц травницы, голубой хохолок Изы.

Марк плохо спал несколько последних ночей. Так всегда бывало, когда он получал новое назначение или перед трудной командировкой. Еще только полгода он работал в должности следователя Управления гражданских дел четвертого галактического сектора, поэтому ждать новых назначений не приходилось, а вот командировка себя ждать не заставила.

Сухие фразы отчетов, снимки места происшествия, объяснения персонала. Неизбежное зло – рутинная дань богу бюрократии, поглотила его почти на неделю, пока не прибыл патрульный крейсер, который должен был доставить его на место. И, против обычного, нормальный сон так и не вернулся к нему ни в дороге, ни после прибытия на планету.

Может виной всему неординарность происшедшего события, может то, что из-за этой самой неординарности он решил выйти за рамки бюрократических стандартов и вникнуть в суть происшествия настолько глубоко, насколько это возможно.

А начал он с изучения планеты, и зря потратил свое время. Планета имела все пятьдесят баллов по пятидесятибалльному индексу пригодности для колонизации, и 12 баллов по такой же шкале колонизационной целесообразности. Даже штраф в 10 баллов, начисляемый планетам, с разумными формами жизни, незначительно ухудшал данный показатель.

Планета не показывала выдающихся результатов ни по

возможной колонизации как аграрная планета, ни как индустриальная, не находилась вблизи торговых путей, не представляла интереса как военная база (Марк впервые сталкивался с планетой, которая не представляет интереса для военных). 10 баллов давали за возможность организации курортной зоны для любителей уединенного отдыха. Еще 2 балла добавляла все та же разумная жизнь, как возможность для ксенобиологических исследований. Все.

Краткий отчет исследователей. Чуть более подробный отчет контактной группы. Анализ интеллектуального коэффициента, технологического развития, классификация по социологическим нормам, политический обзор в виде колонки цифр. Еще менее информативный экономический анализ, окончательно хоронящий всякую надежду на приемлемый товарооборот. Бесконечная вереница однотипных рапортов капитанов патрульного крейсера, обязанных проводить периодическую инспекцию.

Затем, стало немного интереснее. Ксено-исследовательская экспедиция по программе углубленного контакта, разрешение на ограниченную технологическую экспансию, размещение малого военного корпуса. Наконец, решение об оказании помощи планетарному правительству в борьбе с распространением психотропных веществ.

«Планетарное правительство» – звучало, пожалуй, слишком для этой планетки. Скорее консультативный совет шести городов-государств, разбросанных по территории трех

материков, и, не имеющих никаких точек соприкосновения, кроме экономических. За строчками отчетов угадывалась жадная торговля аборигенов за обладание новыми технологиями. И, естественно, строго регламентированная инструкциями, позиция главы колонии, позволявшая оказывать практическую помощь в пределах имеющихся ресурсов, и, научную помощь в пределах квоты, определенной для данной цивилизационной классификации.

Подписанные договора о взаимном сотрудничестве с соседними колониями. Экономические отчеты по колонии, в основном, прилично дотационные. Письмо из департамента финансового контроля о нецелесообразности содержания колонии, единогласно зарубленное военным и научным департаментом – следы каких-то закулисных разборок между главами департаментов. Целый ворох деклараций грузов вольных торговцев, проверенных патрульным крейсером в окрестностях планеты. Обычный набор нарушений.

Затем шла информация собственно по планете. Подробный атлас с отметкой картографической службы десятилетней давности. Обобщенная информация метеорологических зондов. Ежегодные доклады дежурного исследователя биолога. Длинные индексы цифр – классификационное описание форм жизни. Сводный геологический отчет пятидесятилетней давности. Пухлый список заявок гражданского правительства колонии, и тоненькая пачка накладных на поступившие товары. Объемный том военных поставок.

Складывалось впечатление, что если поместить данные материалы рядом с материалами на сотню других планет, и предложить независимому жюри выбрать планету, где возможно подобное происшествие, эту планету выберут сотой.

Наконец, в нескончаемом водовороте бумаг, появилось нечто, похожее на предвестник будущей бури. Письмо, согласованное и гражданским и военным департаментом «Об оказании помощи коренному населению планеты в борьбе с распространением психотропных веществ», разрешающее установку (с приложением плана) силового барьера на указанном участке планеты, с привлечением к патрулированию местного населения.

Все расходы по данному проекту были взяты на себя военным ведомством, которое, как результат, получило возможность набирать рекрутов из местного населения. Далее шли несколько засекреченных отчетов о проверке, по линии военного ведомства, с частотой не реже раза в месяц, из чего следовало сделать вывод, что военное руководство колонии было уже и не радо своей инициативе. Причем проверки, самые строгие, и, судя по обилию деталей, высшего качества, продолжались вплоть до инцидента. Что ж, видимо, не обойдется без основательных перестановок в военном департаменте.

Впрочем, несмотря на то, что это в первую очередь зависело от его заключения, Марка это совершенно не волновало. Он просто хотел сделать свою работу.

Утро Дин встретил, как подобает сыну Народа. Он бежал на восход, выбрав максимально возможный темп – темп Погони, чтобы как легендарный Дар попытаться догнать светило, и, высоко подпрыгнув, коснулся его слепящего края. И, когда солнце целиком показало свой малиновый бок над неверной черточкой горизонта Дин, как полагалось, подпрыгнул, изо всех сил выгнулся чтобы поднять руку максимально высоко, отдавая ритуальный салют своего народа новому дню.

Когда он вернулся в лагерь, остальные его товарищи только выбирались из своих коек. В лагере небесных стражей Дин был единственным из Народа. В основном здесь служили полнотелые горожане, несколько фермеров с разных берегов окраинных болот и серошёрстный великан Ирт, пришедший от далекого полудикого племени, обитавшего в южных Предбарьерных горах. Каждый из рекрутов совершал собственные ритуалы, иногда тайно, иногда прилюдно, и все привыкли относиться к ним с пониманием, как относились к ним все старейшие небесных – инструкторы.

Дин занял свое место в строю, и командир повел их в столовую на завтрак. Мало кто догадывался, чего стоило Дину приспособить свой «Темп, темп, темп» к размеренному строевому шагу. Зато все знали, что желтошёрстный легко мог обогнать любого из рекрутов поодиночке, и всех вместе

по очереди не прерываясь на отдых.

Рацион столовой не отличался разнообразием, но был питательным и полезным. По сравнению с традиционными принятиями пищи у себя в деревне, еда выглядела пиром богача. Дин даже немного прибавил в весе, хотя городские вечно жаловались на недоедание и по нескольку раз ходили за добавкой.

Завтрак заканчивался, дежурная смена уходила на обход периметра, остальные направлялись в учебные классы. Дин давно сообразил, что учебная программа была рассчитана на детей богатых горожан, и, пожалуй, полудикого Ирта.

Преподавалось устройство оружия, уход за ним, теория стрельбы, адаптированный вариант устава пограничной службы. На третий день своего пребывания в лагере Дин перебрал выданный учебный карабин, полностью разобравшись в его нехитром устройстве. На четвертый – закончил прочтение всех учебных пособий, рассчитанных на шестимесячный срок обучения. Дальнейшее свое образование Дин строил сам, внимательно изучая детали поведения небесных стражей. Много, слишком много было ему непонятно, но он не прекращал замечать каждую мелочь, чтобы потом, после заката, лежа в своей койке снова и снова собирать сложнейшую головоломку из огромного количества разноцветных деталей.

Старейший Тир, перед тем как объявить о его уходе в лагерь небесных хранителей призвал его в свою хижину.

– Ты ловок и силен, Маленький брат, – за спиной Старейшего горел ритуальный огонь, отбрасывая неровные блики на стены хижины. В этом неверном свете даже лицо Старейшего – практически каменная маска, казалось живым. – Ты ловок и силен, как духом, так и умом.

Дин стоял на утоптанном полу хижины и терпеливо ждал, когда Старейший перейдет к делу.

– Истинное могущество Народа держится на шести вратах. Они дают Народу ловкость, силу и быстроту тела, и ловкость, силу и быстроту духа. Внутренняя сила проистекает из тебя через эти врата и изменяет вселенную. Твое тело сильно и полно жизни, но твоя рана еще тревожит нас.

Дин ждал с замиранием сердца.

– Твоя рана тревожит нас, и мы не дадим тебе разрешения на весенний бег.

Приговор был произнесен. Дин вдруг обнаружил, что воздух перестал входить в его легкие. Весенний бег был для него закрыт, а значит и жизнь теряла смысл.

Иза вошла в возраст Выбора и именно на этих весенних бегах она должна была вручить венок победителю. Чтобы стать этим победителем Дин тренировался не по 4 часа, как принято в Народе, а все 8. Чтобы получить венок из ее рук Дин настолько изнурил себя тренировкой, что упал со склона, повредив ногу. И вот теперь все оказывалось напрасным.

– Сила Народа складывается из силы каждого. Но сила не бывает без слабости. И, каждый должен быть там, где его

сила принесет максимум выгоды Народу, а его слабость не ослабит Народ во время Бега.

Дин слушал Старейшего, как слушал его всегда, как подobaет настоящему Бегуну. Однако сегодня, услышав роковые слова, Дин, как будто потерял фокус восприятия. Он слушал, но не понимал того, что Старейший пытается ему сказать.

– Ты ловок и силен телом и телом быстр, – продолжал Старейший и вдруг встал со своего места и медленно пошел к Дину, – и дух твой силен и ловок, но недостаточно быстр. Ты можешь принимать сложные решения, как подобает любому из Народа, но принимаешь их ты тогда, когда принимать их уже не нужно.

Само поведение Старейшего, то, что он встал со своего места, в нарушении всех ритуалов, его странные слова вернули Дину возможность мыслить, и он увидел, что Старейший Тир растерян. Старейший говорил все это не для него, Дина, он убеждал сам себя в правильности принятого решения. Значит, правду говорили в деревне, что почти луну продолжался спор в совете, и Старейшие уходили растерянные и недовольные.

– Времена стали жестокими к Народу, – Старейший подошел к Дину вплотную и посмотрел ему прямо в глаза, – Отец-солнце стал к нам жесток. Три последних Гона не принесли успеха. Народ потерял слишком много мужчин и женщин в неудавшихся Бегах и Народу нужна новая сила. Мы не даем тебе разрешения на Весенний бег, чтобы отправить

тебя в более сложный Бег. Бег за новой силой для Народа – за знаниями Небесных Хранителей.

Марк читал отчет ксенобиологов. Просматривая перечень религиозных воззрений жителей планеты, он вновь чувствовал себя обманутым. Ничего экстраординарного – коренное население планеты показывало стандартное многообразие теологических взглядов – от язычества к монотеизму и далее вплоть до крайних форм атеизма. Особое внимание исследователей было уделено жителям второго по величине континента, ведь исследовательская база располагалась в самой его сердцевине, в, так называемых "Барьерных горах", которые отделяли густонаселенный север материка от пустынно-го юга. Целый раздел был посвящен сказаниям и легендам проживающих в окрестностях базы народностей. Неожиданно, легенды пустынных жителей захватили Марка. Возможно, виной тому был контраст живого слога с казенным языком отчетов, возможно ученый, записывающий сказания обладал немалым литературным даром, неважно.

Марк еще раз перечитал Легенду о Даре и шести вратах. Главный герой Дар – первый предводитель Бега Преследования прямо или косвенно упоминался в каждой, из прочитанных Марком, историй. Дар – прародитель, Дар – первый бегун, Дар – первый певец, признавался у аборигенов родоначальником нескольких племен, чей ареал обитания распола-

гался в экваториальной зоне центрального материка, и в основном состоял из земель горного и пустынного ландшафта. Одно из племен этого региона, точнее несколько его членов, оказались в центре его расследования, и Марк едва сдерживал дрожь нетерпения, ведь ему предстояло познакомиться со всем описанным в отчете, лично.

Меж тем, пока текли неспешные часы перелета, он все более углублялся в перипетии сюжета местных легенд. Как и у большинства обособленных формаций разумных существ, у местных племен легенды начинали свой отсчет от сотворения мира, но в отличие от многих других похожих сказаний, эта история носила ярко выраженный локальный характер.

В «Легенде о рождении мира» велся рассказ только о рождении мира одного народа, о рождении самого народа и становлении его взаимодействия с окружением. Остальной Космос, древним сказателем воспринимался как данность, как-то, что «было и будет всегда». Мир же «Народа», как называли себя аборигены, родился, жил, и, что указано отдельно, обязательно должен найти свой конец, вместе с концом последнего из его представителей.

В который раз Марк удивлялся причудливым изгибам моральных установлений, лежащих в основе незнакомой культуры, оправдывающих и осуждающих одинаковые действия, выполненные в разном контексте. Так, среди «Народа» являлось тягчайшим преступлением насилие над противоположным полом, вместе с тем «Легенда о Даре» прямо говорит о

том, что Дар похищал «дочерей городов» и держал их у себя в пещере, чтобы они принесли ему потомство и породили Народ. Вообще, строго говоря, Дар – беглец из более-менее цивилизованной части материка, изгой, преследуемый официальными властями, неудачник и преступник слабо подходил на роль великого основателя. Тем не менее, летописцы «Народа» без тени стыда со скрупулезностью, делающей честь настоящему историку, перечисляют все недостатки и достоинства Дара, сухо и безэмоционально. На секунду Марку показалось, что он вернулся к чтению официальных отчетов расследования, но когда речь зашла о "Большом Беге" (все с большой буквы), это ощущение пропало без следа.

О Большом Беге рассказывала «Легенда о рождении мира», точнее ее вторая часть. Сухой язык исследователя пропал без следа, сменившись цветастым повествованием, полным двусмысленностей, идиом и иносказаний. Легенда описывала путь Дара к Первоисточнику жизни, спрятанному в центре Долины шести врат. Согласно легенде, едва ступив в пределы Долины, Дар перешел в мир скорее духовный, чем физический, и, последовательно проходя все шесть врат, оставлял за каждым, ненужную часть своей души, мешающую акту первородного создания мира. Четверо ворот миновал он, оставляя за каждой часть себя, и лишь двое последних врат отворились без принесения жертв. Каждые ворота носили свое имя, в соответствии с той частью души, что сбросил герой, проходя через них. Это были Врата Лю-

бопытства, Врата Корысти, Врата Любви и Врата Предательства. Двое последних врат назывались Врата Злости и Врата Сожаления. Проникнув в середину долины, Дар обрел зерно созидания. Затем начался Гон – последний этап сотворения мира, в результате которого зерно было посеяно и герой, освободившийся от его тяжести, отправился прямо на солнце, откуда он поныне смотрит на деяния своих потомков.

Дин спал и видел сон: он участвовал в Гоне, волшебным образом исчезнувшая во сне стена Небесных Хранителей, больше не преграждала пути к городу, и Народ снова состязался со своими древними врагами – песком, солнцем и скользящими вдалеке серыми тенями охотников.

Ритм, ритм, ритм. Дин был в голове первой тройки, место, которое он должен был заслужить вместе с венком из рук Изы, место желанное, почетное и столь же непредсказуемо опасное. Манящее и жалящее самолюбие молодого бегуна. За плечами его висел туго сжатый ремнями рюкзак, в котором, с соблюдением всех ритуалов, был тщательно упакован Росток жизни племени. Рюкзак не тяготил, наоборот, придавал уверенности и смысла всему Гону. В руке Дин держал длинное тонкое копьё народа, название которого переводилось с древнего языка как «Шанс». Этим копьём он сразит одного из охотников, если останется последним в своей

тройке. Когда останется.

И, в то же мгновение, как это иногда бывает во сне, он понял, что остался последним. Три тройки, положенные установлением, сгнули в песках, давая ему шанс принести жизнь Народу. Он мчался изо всех сил, как будто окрыленный, мчался быстрее ветра, летел, не касаясь песка. Он знал, что успеет, приметы местности много раз заученные им указывали на скорый успех.

Шелест песка сзади говорил, что охотники уже близко, они и должны были приблизиться на расстояние прыжка. Охотники были глупы и напали на все, что попадалось им в пределах их охранной полосы. Вкус и запах крови приводил их в неистовство. Стоило сразить одного из них копьем – вся стая останавливалась и разрывала на части своего раненного товарища, чтобы укрепить свои силы и утолить голод его кровью и мясом, а затем продолжала погоню.

Только в этот раз добыча им не достанется, Дин был слишком близок к границе охранной полосы – вдали уже виднелись городские стены. К тому времени как стая продолжит погоню Дин должен уже рыскать вдоль стены в поисках хитрых лазов, которые устраивали свои люди в городской страже, для бегуна, успешно завершившего Гон. Обратный путь к венцу славы и почестей его ожидал в составе торгового каравана, в окружении вооруженных горожан, когда он въедет верхом на улицу деревни, спасителем и благодетелем Народа. Его будут помнить и чтить три, а может и четыре по-

колениа, вплоть до следующих успешных Большого Бега и Гона. Сейчас все зависело от одного единственного броска. Броска, который отработан тысячами, миллионами бросков во время долгих и упорных тренировок. Бросок, механику мышц которого тело могло воспроизвести в любое время и в любом состоянии, движения, которые впитались в нервы, мышцы, кожу и кости. Движение, которое не может не получиться. Дин слышал, как шелест песка приблизился к нему еще немного, уже почти на дистанцию прыжка и изготовил копье, прижав древко к предплечью, ощущая локтем мягкое прикосновение полированной древесины.

В этот момент его раздувающиеся от бега ноздри уловили сильный запах озона, а по шерсти пробежала знакомая череда электрических разрядов. Дин понял, что перед ним – стена Небесных хранителей. Его горло, иссушенное многочасовым бегом, издало хрип отчаяния, превратившийся в стон, когда он на полном ходу ударился о невидимую преграду. Ударился, теряя ритм, теряя изготовленное для броска копье, теряя собственную мечту и жизнь Народа. И, уже ощущая, как серая махина охотников накрывает его, чтобы смять и разорвать, Дин понял, что толчок, от столкновения со стеной Небесных Хранителей, тот самый толчок, и вырвал его из объятий сна. Начинался новый день, и новое дежурство ожидало его на той самой стене, что прервала его сон.

Утренняя погоня за солнцем разогнала неприятный привкус металла во рту, оставшийся от ночных сновидений.

Вместо учебы, после завтрака, Дин направился на плац. Сегодня был день его дежурства, с ним вместе на охрану среднего сегмента стены заступал мягкотелый сын одного из городских правителей, Уно. Полевая форма висела на нем мешком, коричневая свалывшаяся шерсть выглядела так, как будто он только что проснулся. Уно двигался немного боком, косил на один глаз, придерживал лапой плохо подогнанный поясной ремень, а винтовку нес так, словно вот-вот готов был бросить ее на песок и тащить за собой волоком. Дин внутренне усмехнулся, оглядев напарника.

Он внимательно изучил систему назначения в патрули. Где-то в верхних комнатах офицерского корпуса висело расписание, в соответствии с которым все рекруты по очереди проходили с дежурством по каждому сегменту стены (общим количеством 7 с западной стороны базы и 5 с восточной), с постоянной сменой напарника и времени суток. Следующее его дежурство ожидалось через 3 дня, должно было быть ночным и в напарники ему должны были назначить горного увальня Ирта.

Дежурный офицер Небесных Хранителей задал заступающим несколько стандартных вопросов. Уно, с горем пополам прошел проверку, Дин легко ответил бы и на его вопросы, и на свои, но, помня наставления Старейших, несколько раз слегка запнулся, переставил слова местами и даже заменил некоторые на похожие по звучанию, но совсем не похожие по смыслу.

Офицер привычно вздохнул (про себя сетуя на тупость дикарей) и выдал им допуск в оружейную комнату, коммуникаторы и опечатанные капсулы с кодами управления стеной. Дин пристегнул капсулу к специально предназначенному на ремне креплению и снова внутренне усмехнулся. В свое первое дежурство, он, внимательно рассмотрев капсулу, обнаружил, что ее непрозрачная часть, скрывающая листок бумаги, содержащий коды, имеет множество мелких отверстий. Если повернуть капсулу к свету под правильным углом и слегка наклонить по оси, становится видно, что находится внутри. Прочитать код, таким образом, конечно невозможно, но зато он точно установил, что капсула перестала быть пустой только в его шестое дежурство.

Дин терпеливо ожидал, пока Уно возится с механизмом перезарядки магазинов винтовки, поминутно ожидая, что горожанин, таки, загонит пулю в потолок оружейной комнаты. Наконец Уно справился и Дин, для порядка, поелозив магазином в районе затвора, зарядил винтовку и занял свое место в патрульной машине, которая развозила дежурную смену по постам. Эта же машина, параллельно собирала отдежуривших рекрутов, чтобы отвезти их обратно в лагерь. Дежурный офицер, проверив, что все в кузове, прыгнул за руль, и они поехали по утрамбованному песку, в сторону западного края стены.

Трясаясь в пыльном кузове, Дин следил за тем, как офицер ведет автомобиль. Он наблюдал за этим с самого своего

первого появления на Базе, и, был уверен, что в случае чего сможет повести такую машину. Он знал, КАК нужно нажимать на рычаги и знал, КОГДА. Сейчас его интересовало, ПОЧЕМУ это нужно было делать так, а не иначе, и это знание пока что ускользало от него.

Марк стоял на мостике патрульного крейсера, на обзорном экране которого уже показалась далекая точка – его место назначения, место его расследования, место, к прибытию на которое, он старательно готовился последние несколько недель. Его звание позволяло ему получать доступ практически к любому из сложных устройств крейсера. Мало того, в случае крайней необходимости, он мог сменить собой капитана крейсера, и команда обязана была ему подчиниться, но Марк старался не пользоваться своими полномочиями без необходимости.

Он стоял в стороне, чтобы не мешать работать дежурной смене, за спиной у поста навигатора. Молодой военный, выполняющий обязанности навигатора в этой смене, нервно ворочался в своем кресле. Соседство с высокопоставленным чиновником ему было явно в тягость. Капитан Окумаро – Центаврианец корейского происхождения с японской фамилией восседал на капитанском кресле лично. Он был с Марком вежлив и предупредителен, но не более. Не выказывал ни симпатии, ни раздражения, в присущем ему древнем во-

сточном стиле поведения хранил невозмутимость и спокойствие, сходные с невозмутимостью стальных статуй своей родины. Марк подумал, что такой штамп поведения накладывал на любого капитана космического судна нешуточная ответственность, сопутствующая неограниченной власти капитана во время полета.

Между тем молодой навигатор, пробежавшись пальцами по пульта управления, доложил:

– Капитан! На орбите обнаружено судно. Классификация 4, средний транспорт. Предварительная оценка: Вооружение 6, щиты 21, генераторы 4. Разрешите контакт.

Окумаро повернулся к Марку:

– Господин следователь, уведомляю Вас о задержке маршрута. У нас по курсу вольный торговец, необходима дежурная процедура досмотра.

– Спасибо, капитан, это не проблема, – ответил Марк.

Кивнув ему, Окумаро повернулся к навигатору: – Протокол «Досмотр», курс на сближение, идентификация.

Тот склонился над микрофоном, старательно выговаривая предусмотренные протоколом формулы:

– Патрульный Крейсер Федерации земного альянса вызывает неизвестное судно. Предлагаю обмен идентификационными кодами.

Динамики незамедлительно ответили ему голосом капитана, пока еще не видимого глазом на обзорном экране корабля:

– Вас приветствует торговое судно «Экво» и его капитан Фредерик Пассини. Мы следуем с торговой миссией на орбитальную базу «Мамета» с грузом пряностей. Передаю идентификационные коды.

– Спасибо, подтверждение идентификации прошло, прошу снизить скорость и стабилизировать курс для проведения досмотровых мероприятий.

Голос в динамиках не выражал обычной для торговцев досады, связанной с вынужденной задержкой, и, соответственно, финансовыми потерями:

– Понял Вас, выравниваю курс, досмотровая готовность через 12 минут. Ожидаем досмотровую группу у второго шлюза.

Неожиданно слово взял Окумаро:

– «Экво», какова цель вашего посещения планеты?

– Дозаправка и пополнение пищевых запасов. Хотелось потоптать немного твердую землю и погреться на солнышке, – казалось, невидимый собеседник ухмыльнулся, – Аладар, где мы забирали пряность суший пыльный ад.

Марк машинально построил маршрут вольного торговца, вспомнил все, что знал о планете, с которой они везли груз и о станции, где они собирались этот груз сдать. Прибыль мероприятие обещало немалую, но, учитывая накладные расходы, и не слишком высокую.

– Желаете войти в досмотровую группу? – прервал его размышления Окумаро.

– Нет, спасибо, – ответил Марк, и, уже покидая рубку, заметил странный взгляд, брошенный ему в спину капитаном.

Почти шесть часов оба корабля связанных невидимыми нитями параллельных орбит совершали неспешные обороты вокруг планеты, наконец, досмотр был завершен и крейсер пошел на посадку.

Покидая корабль, и выходя на космодром, Марк испытал странное ощущение. Согласно инструкциям, он был облачен в боевой костюм, скрывааемый одетой поверх, формой, на поясе висел пульт генератора и пистолет. При необходимости он мог бы в одиночку вести боевые действия против всех объединенных сил этой захолустной планетки. И результат этих боевых действий был бы под большим вопросом. Однако, покидая остывающую после входа в атмосферу, внешнюю броню крейсера, он почувствовал приближение опасности, как будто он вступал не на территорию гражданской базы Земного союза, а в темную нору неизвестного инопланетного чудовища.

Выйдя из шлюзовой Марк осмотрелся. Перед ним расстилась обожженная многочисленными взлетами и посадками равнина. Летное поле располагалось чуть севернее поселения землян, которое находилось в километре от крупнейшего города аборигенов. Поселение прикрывалось со стороны города военной базой, часть которой соединялась с окраинными городскими постройками.

Город венчал собой огромный скалистый провал, отделя-

ющий плодородный север от пустынного юга. Именно там длинной неровной линией пустыню рассекал на две неравные части силовой барьер и располагался лагерь рекрутов.

Порыв ветра швырнул ему в лицо запах горелого камня и пригоршню песка. Следом за ветром его прибыла поприветствовать какая-то мелкая местная мошкара. В это время к бронированной башне крейсера подъехала легковая машина. За рулем сидел человек в форме рядового вооруженных сил, в салоне находились двое. Один из них приоткрыл окно автомобиля и махнул ему рукой:

– Заходите, заходите, укроемся от ветра. Следом за ним в кабину автомобиля запрыгнул капитан Окумаро.

Встречающимися оказались начальник научного поселения и командир военной базы. Пока автомобиль мчался сквозь пыль посадочного поля, Марк завершил формальную часть представления местному руководству, и, краем глаза заметил, как с другого конца посадочной площадки взлетел какой-то другой корабль. Расследование начиналось.

Дин занимался патрулированием. Занятие, конечно, нужное, однако от этого не менее нудное и однообразное. В задачу патрульной смены входил обход периметра силовой стены с внутренней стороны, контроль за работой генераторов, сводящийся к проверке горит ли контрольная лампочка на

вздымающихся в небо колоннах опор, и периодический выход на связь с базой.

По-над мерцающим покровом силового поля, на приличном расстоянии, была протоптана дорожка, по которой день ото дня и ночь за ночью проходил маршрут караула. По этой тропе Дину и его напарнику, предстояло курсировать сегодня не менее шести раз от одного края патрулируемого участка до другого, мимо пяти колонн генераторов, два из которых были пограничными. Около них можно было встретить соседнюю группу патрулирования, и перекинутся с ними несколькими словами.

Дин знал, что большинство горожан, выходя на маршрут, сразу шли к пограничным генераторам, встречались там с соседним патрулем и, спрятавшись в тени столба, расстилали на песке плащ-палатки и усаживались на них, чтобы скоротать время дежурства за болтовней и азартными играми. Он знал также, что Уно уже сговорился с соседями о месте встречи и, как только автомобиль дежурного проехал мимо них в сторону базы, увозя прошлую смену на отдых, они с Уно отправились к пограничному генератору.

Там уже разместилась соседняя группа, они весело болтали и раскладывали принесенный с собой из столовой паек. Дин немного посидел с ними, чтобы соблюсти приличия, и, забрав рацию, отправился по маршруту.

Он любил выходить на маршрут один. Заброшенная за спину винтовка напоминала ему рюкзак бегуна и ничуть не

отягощала бега, и Дин бежал.

Едва отойдя на несколько шагов от отдыхающих сослуживцев, он переходил на бег путешественника, а когда бивуак скрывался из виду, то и на бег преследования, все ускорялся и ускорялся до предела возможного.

Ритм, ритм, ритм. Бег приносил облегчение, заполнял странную пустоту, образовавшуюся у него в сердце после ухода в лагерь Небесных хранителей. Бег наполнял его ощущением правильности происходящего, напоминал то время, когда он был способом достижения цели, когда Дин тренировался и тренировался, доводя свое тело до изнеможения. Затем, восстанавливал в своем воображении лицо Изы, под непослушным, слегка топорщащимся голубым хохолком, и снова уходил в бег без начала и конца. Разгоняясь все быстрее, Дин открывался ветру и солнцу, открывал свою душу бескрайнему простору песка вокруг. Бесконечного, вечного песка вокруг. Все посторонние мысли в этот момент покидали его, оставляя чистый восторг скорости и ритма.

Ритм, ритм, ритм. Набирая скорость, Дин всегда сходил с натоптанной тропы, чтобы ощутить податливую массу песка под лапами, окончательно восстановить ощущения былых тренировок. Взмыв на вершину очередной дюны, он увидел вдаль, с другой стороны силового барьера, одинокую фигуру. Фигура подняла вверх раскрытую ладонь правой руки – древним жестом приветствия бегуна. Жест показывал также, что встречный не держит в руках оружия, не участвует ни

в Беге, ни в Гоне и, одновременно, был приглашением к беседе.

Дин внезапно почувствовал, как горяч песок под его лапами, какая огромная его масса раскинулась вокруг. Он ощутил себя гонимой ветром песчинкой в этом огромном, живом кремниевом море, которое неутомимый ветер гоняет из одного угла пустыни в другой без толка и смысла. Путник, ожидающий его за стеной, был Кат – родной брат Изы.

– Полного источника на твоём пути брат! – Кат приветствовал его как равного, но ударения во фразе приветствия стояли как-то слишком странно. С таким ударением бегуны приветствовали Старейших.

– Полного источника тебе и благих вестей от дома нам, – ответил ему Дин с соблюдением установлений, одновременно давая понять, что хочет узнать новости.

– Я пришел разделить с тобой воду, брат, – Дин снова насторожился. Первое обращение к нему подчеркивало их единство как народа, но вот второе обращение «Брат» выходило за рамки установлений, либо новости, которые принес Кат, должны были дать этому разъяснения.

– Я разделю с тобой воду, – ответил Дин, и, усмехнувшись, добавил, – хотя наше нынешнее положение делает это невозможным.

Кат кивнул, как будто не поняв скрытого смысла сказанного, уселся перед барьером и достал запыленную дорожную флягу. Дин также уселся напротив него и извлек свою армей-

скую фляжку. Они сделали по два глотка – за себя и встреченного путника и Кат заговорил:

– Я пришел к тебе, Брат, по делу, касающемуся семьи.

Дин едва смог протолкнуть в сжавшееся горло второй глоток воды.

– Я пришел к тебе, Брат, предупредить и просить. Предупреждение я донесу до тебя, а просьбу ты должен понять сам.

Кат перевел дух.

– Через три дня, ты будешь дежурить у Клюва орла.

Дин знал эту скалу, отвесно уходящую вверх и изгибающуюся подобно клюву хищной птицы.

– В тени Клюва ты увидишь тент. Под ним, перед закатом солнца, тебя будет ждать моя сестра. Я пригоню сюда стаю Кодов, как будто они мигрируют. Тебе разрешат открыть стену.

Дин с удивлением обнаружил, что его фляга опустела. Он только что опустошил двумя глотками сосуд, дающий жизнь в пустыне одному из народа на 2-3 дня.

Он знал, что когда медлительные и неповоротливые Коды, вычищают в каком-либо регионе своими кожистыми губами всю песчаную растительность, они, всем немалым стадом, перемещаются в другой регион. По следам сезонных миграций Кодов народ находил скрытые в пустыне источники воды. При этом мирные и дружелюбные травоядные во время миграции становятся нервными, а иногда и агрессивными. Несколько раз стадо Кодов с разбегу штурмовало силовой

барьер, вынуждая дежурную смену отключать стену, во избежание массовой гибели животных. Горожане использовали прирученных Кодов как вьючных животных. Их сухие лепешки, в большом количестве встречающиеся на пути миграций, служили любому путешественнику в песках отличным топливом для костра.

– Иза придет одна? – Дин сжался внутренне, стараясь, чтобы разговор проистекал так, как должно, слова текли плавно, а мысли выражались ясно и глубоко. Он заставил себя сделать несколько глубоких вдохов и выдохов, концентрируясь на движении воздуха, нюансах запахов и температуры воздуха.

– Старейшие не дали ей права выбора, – Кат тоже подозрительно надолго приложился к фляжке. Ветер принес и закружил вокруг его ног несколько крупниц оранжевого песка. – Я боюсь, они и не дадут ей такого разрешения.

– Старейшие..., – повторил про себя Дин. Внутри него невообразимо медленно поднималась темная волна. Он замолчал.

– Иза сказала мне, что пойдет против воли Старейших, и что свой выбор она уже сделала. Она придет к клюву и будет ждать тебя.

Дин смотрел на Ката и видел, как сквозь черты взрослого бегуна проступает лицо того ребенка, с которым они вместе играли в детстве. Увидел он и нечто новое – две глубокие морщины у глаз – они назывались в народе «солнечная мет-

ка». Морщины превращали его открытое лицо в лицо глубоко усталого человека. Кат лгал. Дин видел это по изгибу его губ, по напряженным мышцам лица. Кат играл роль брата, которого заботит целомудрие сестры. Дин опустил глаза. Любой спектакль должен идти по сценарию и по сценарию закончится.

– Я приду. И, – он на секунду запнулся, встретился с глазами с Катом и, придав голосу одновременно легкую дрожь и твердость, продолжил: Тебе не о чем беспокоиться, брат.

Кат кивнул, спрятал флягу в поясную суму и встал. Судя по весу фляги, он тоже опустошил свой запас воды полностью.

– Мягкого песка и попутного ветра, – произнес Дин формулу прощания, намеренно первым, чтобы подчеркнуть важность полученных новостей.

– Прохладных дней и теплых ночей, – перефразировал ответную формулу Кат, которая стала звучать несколько игриво, тем самым возвращая долг за приветствие.

Они одновременно поднялись, развернулись и, набирая скорость бега путешественника, отправились каждый в свою сторону. Дин добежал до пограничного генератора, противоположного тому, где устроился Уно. У самой контрольной панели он уселся на песок, обхватив себя за задние лапы. Ему больше не хотелось бежать.

Марк спал и видел сон. Во сне перемешивались картины прошлого, настоящего и будущего. Расплывались, убегали цветными пятнами и снова давали попробовать себя на вкус. Затем снова уходили, оставляя чувство неудовлетворенности и неясной тоски. Что именно это были за картины Марк не смог вспомнить, когда проснулся.

Вчера краткий разговор с руководством научной колонии оставил больше вопросов, чем ответов, а беседа с начальником военной базы вообще ставила под сомнение необходимость его миссии. Выяснилось, что практически весь личный состав научной базы срочно направлен на неизвестные ранее развалины древнего города, обнаруженные на днях. Развалины, по предварительной оценке, не принадлежали ни к одному известному народу планеты. Ажиотаж ученых и их нервозность была вполне объяснима. А вот что было совершенно непонятно, так это то, что весь оставшийся персонал базы, определенно выказывал признаки страха, причем не в отношении к его персоне, а скорее в отношении начальника военной базы, ни на минуту от него не отходящего.

Марк был не силен в эмпатии, но в собственных выводах был уверен совершенно. Командир военной базы – личность, о которой стоило рассказать отдельно. Судя по досье, которое сумел раскопать в архивах Марк (не без помощи однокурсников, ему удалось добраться до самых закрытых уголков архива), полковник Холодов являл собой прак-

тически ходячую легенду. Три года космического десанта, две пурпурные звезды, пятнадцать лет военной разведки. Затем, возвращение на флот, летная академия и еще шесть лет командования крейсером. Каким образом многообещающий флотский офицер оказался командиром военной базы на захолустной планете, было совершенно непонятно. А когда Марку на стол легли материалы служебной проверки по его инциденту, он вообще перестал что-либо понимать.

– Так он их не убил? – Марк на всякий случай уточнил вопрос, который в данный момент был ключевым.

Холодов развел руками: – Я достаточно недвусмысленно составил рапорт, там все очень четко указано. Мы установили усиленное наблюдение за три дня до инцидента, когда к нему пришел его соплеменник. Я лично вел наблюдение в этот день. Тент стоял на самой границе действия сканнеров, да и щекотливость момента...

– Я не понимаю – Марк держал в руках оригиналы материалов расследования – некоторые из этих бумаг я вижу в первый раз.

– Ну, вы понимаете, надежность каналов связи оставляет желать лучшего, но мой рапорт просто не мог не попасть в дело! – Холодов, кажется, был озадачен не меньше. И рассержен.

– Я сделаю копию, вы не против? – Марк собрал несколько бумаг и направился к копиру. Они расположились в кабинете Холодова в верхнем куполе военной базы. Полукруглые окна

открывали вид на зеленеющие сады пригородной зоны. Выходящие на другую сторону окна, казалось, смотрят на другую планету – в нескольких километрах внизу открывался безбрежный океан песка, изредка пересекаемый неровными полосками, отмечающими границы дюн.

Полковник, с самого момента посадки, занял позицию на расстоянии не более двух метров от Марка, и постоянно ее придерживался. Полковник был невысок, широкоплеч и, слегка, полноват. Тем не менее, проходя по длинным коридорам базы к собственному кабинету, полковник ни на секунду не отставал от длинноногого Марка.

– Вы понимаете, с самого начала этого проекта мы ждали чего-то подобного. У нас отличный отдел разведки, я сам подбирал кадры. Да тут и гадать было особенно нечего, пустынные есть пустынные.

Марк уже понял, что среди человеческого персонала базы планетарное население классифицировалось по месту обитания на горожан, горцев и пустынников. Тем более что в языке аборигенов отсутствовали какие-либо слова, обозначающие те или иные территориальные группы. Даже названия городов они произносили как одно слово, различающиеся только поставленным ударением.

– Мы держали наготове группу захвата. Но кто же мог предположить... Опять же, кодекс офицера не позволяет продолжать наблюдение в такой ситуации, кроме случая крайней необходимости...

Марк откинулся в кресле. Его миссия на этой планете считалась законченной.

Дин не знал, спал ли он этой ночью или нет. Та черная волна, что захлестнула его при упоминании о запрете Старейших, накрыла его с головой, и он ничего не мог явственно разглядеть под ее покровом. Чувства, мысли, даже движения потеряли четкость, остроту, ясность. Он вспоминал всю процедуру прощания, как смотрели на него соплеменники, когда он уходил в лагерь небесных стражей. Оказывается, отпечаток каждого лица остался у него в памяти, и теперь, своим новым взглядом он всматривался в них и делил на тех, кто ПОНИМАЛ и тех, кто нет. К счастью, он находил очень мало лиц, по которым можно было с уверенностью сказать, что они знали... Точнее, в каждом лице он видел изобличающие признаки, но понимал, что его пошатнувшееся мировосприятие, его черные очки, показывают ему то, чего нет на самом деле. Но, в некоторых случаях, он все же был уверен. Да.

Глядя сейчас на время, проведенное в лагере небесных хранителей, Дин понимал, что слишком хорошо исполнял волю старейших. Постоянное наблюдение и анализ, не прекращающийся ни днем, ни ночью научили его видеть значительно больше и глубже чем раньше.

Беседу с Изой, их последнюю, и единственную беседу он

оставил на потом. Боялся, да, боялся, но и надеялся. В конце концов, не выдержал и прокрутил перед мысленным взором весь их короткий диалог. Нет, он был уверен, что она ни о чем не догадывалась тогда. Уверен, но боялся.

Воспоминания об этой беседе были не такими резкими, но более живыми, сильными.

Она встретила его за хижинкой Уны, у ямы отходов. Она только что вынесла что-то из хижины знахарки и, завозившись около ямы (случайно ли?), встретила его. Он принес мешок старых рукописей, превратившихся в труху. Еще несколько лун назад они с учителем очень осторожно разобрали каждую и перенесли все знаки и рисунки, черточка к черточке, на новый пергамент. Теперь эти рассыпающиеся хранилища древних знаний превратились в обычный мусор. Дин нес нетяжелый, но очень объемный мешок так, что ничего не видел перед собой. По пути он думал о превращениях судьбы и времени, превративших бесценные сокровища знаний в горстку ненужной пыли.

И прямо посреди высоких мыслей столкнулся с Изой. Причем столкнулся в полном смысле этого слова – она едва не упала, он уронил свой мешок на песок.

– Ой! – он узнал ее и застыл в полной растерянности. Она стояла так близко, как никогда раньше, и у него перехватило дыхание.

Она слегка наклонила голову, от чего ее голубоватый хохолок смешно качнулся, и посмотрела на него: – Не ушибся?

– Нет, – он сглотнул сухим горлом. Что-то надо было говорить, но слова просто не формировались у него в голове.

– Ты ведь Дин, верно? – она наклонила голову в другую сторону, как будто рассматривая его с разных сторон, – Уна говорит, ты повредил ногу прошлой луной?

– Да, – ответил он, чувствуя себя полным идиотом, но не в силах прибавить что-то еще.

– Что ж, я надеюсь, она у тебя заживет, ведь скоро весенний бег, – сказала она, игриво улыбаясь ему и, слегка проведя своей рукой по шерсти у него на плече, убежала по тропинке.

– Пока! – крикнула она ему, обернувшись, шагов через десять и снова улыбнулась. Еще несколько минут Дин боролся с оцепенением, затем провел рукой в том самом месте, где к нему прикасалась ее рука, и его бросило в жар.

Воспоминания об этом прикосновении до сих пор действовали на него так же. Он завозился в своей койке, скинул с себя одеяло. Металлическое волокно кровати издало скрип, особенно громко прозвучавший в тишине, опустившейся на казарму. В то же мгновение, соседи по койкам тоже заворочались, их кровати заскрипели, кто-то вздохнул во сне, или даже что-то пробормотал.

Окружающие звуки помогли Дину вернуться к реальности, сбросить с себя тень воспоминаний. Ему нужно было решать, что нужно делать сейчас, в этом времени и в этом месте. И решать, основываясь на этом новом знании и новом

понимании своей роли.

Темная волна снова поднялась у него внутри, но теперь она была окрашена еще и в ярко алые цвета – цвета гнева и ярости. Усилием воли Дин подавил в себе эту волну, и она ушла куда-то на край сознания.

– Подожди, – сказал он ей, – твое время придет.

Ночная тьма сменилась серым утренним светом, и Дин понял, что впервые в своей жизни пропустил утренний бег за солнцем.

Марк снова был озадачен.

– Это случилось месяц назад?

Холодов замаялся, – Да, я направил все бумаги, как только закончил служебную проверку.

Он с досадой хлопнул рукой по столу, – Понимаете, беда никогда не приходит одна, и, главное этих двух олухов, новеньких, я еще понимаю – романтика, там, непознанное... а вот куда понесло Польского? Он же кадровый офицер, я его лично подбирал, он у меня почти три года служил... – Холодов потер переносицу.

– И вы доложили об этом только через месяц? – Марк снова посмотрел на полковника.

– Нет, все как положено, – Холодов полез в папку, извлек лист со штампом телеграфного узла: сводку отправили неза-

медлительно, а все материалы – по окончании проверки.

– Мне не попадалась эта сводка, – Марк нахмурился, – Да, понимаю, перебои со связью...

Он продолжал просматривать материалы проверки. Несчастный случай. Одинокое патрулирование. 3 человека, военный флаер. Карта места катастрофы. Снова подключив свою тренированную память, Марк, вспомнил изученный им атлас планеты.

– А что это за место, – он ткнул пальцем в точку катастрофы, – на атласе в этом месте ничего нет, открытая пустыня?

– Да, – Холодов передал ему несколько фотоснимков, – какие-то подземные магнитные аномалии над дюнами. Собственно, из-за этих аномалий они туда и направились. Доложили, что засекли что-то подозрительное, вроде выброс энергии... молодые, они в первый раз, тут, в этом месте такое частенько случается... Аномалия... Вот они и полетели. А вот от Яна я такого не ожидал.

Марк понял, что Холодов говорит о своем заместителе Яне Польском, вернее сказать, уже, бывшем, заместителе.

– ...машина была исправна, ребята в полной амуниции..., да вы и сами все видите! – Холодов досадливо махнул рукой в сторону пачки документов. Марк тоже посмотрел на бумаги. Они ему совсем не нравились. И, самое главное, он никак не мог понять, чем именно.

Бумаги как бумаги – плохо скрытые следы подчистки перед проверкой выглядели вполне пристойно. Понятно, что в

журнале инструктажа весь состав базы поставил свои подписи на полгода вперед, и часть листов журнала были заменены, чтобы это спрятать, понятно, что вообще, половина этой стопки была заполнена одной пастой, и не позднее, чем 3-4 дня назад, это было нормально для отдаленного гарнизона.

Все выглядело слишком обычным, и Марк не знал, что именно его настораживает. Может эта самая обычность, которая как клещ цеплялась к каждой бумаге, которую он прочитал с момента начала расследования?

—...потом еще один выброс, сканнеры базы это зафиксировали и связь пропала. Я лично возглавлял поисковые работы... – Холодов продолжал рассказывать подробности инцидента, – да там место такое, я же говорю – аномалия. Там связь вообще не работает и приборы с ума сходят. Глубже в пустыню вообще лететь невозможно – то автоматика реактора откажет, то двигатели глохнут. Мы с полмили пешком прочесали, и на скалах их нашли.

Марк снова бросил взгляд на карту, затем на фотографии. Пустое место – пески. Ряды дюн ничем не прерываемые от горизонта к горизонту. Небольшая скальная гряда, на которой разбросаны обломки боевого флаера, тела погибших военных. Расследование выполнено обстоятельно, приложены несколько копий отчетов исследователей, подтверждающих наличие аномалии.

– Если интересуетесь – можем слетать на это место, – Холодов прямо кипел от досады. Он явно себя винил в проис-

шедшем, даже не обладающему эмпатией, это было очевидно с первого взгляда.

– Нет, – Марк нахмурился, отложил в сторону бумаги. Смотреть в них больше было нечего, – Я прибыл сюда по другому делу и должен заняться им, а не вашими несчастными случаями. Вернемся к нашим аборигенам.

– Так ведь вы уже все просмотрели! – Холодов развел руками, – Впрочем, если Вас интересуют дополнительные подробности – всегда рад помочь.

Холодову явно хочется поскорее избавиться от пронырливого следователя. Что ж, Марк собирался его разочаровать.

– Кстати, – Холодов как будто собирался отвернуться (кажется, в первый раз с прилета Марка он смотрел не на него), но затем снова повернулся, – Вы интересовались этим аборигеном... Он все еще в лагере.

Взгляд Холодова ему совсем не понравился. Совсем. Но то, что он сказал...

– Как в лагере? Он не вернулся в свою деревню?

– Да, собственно, никто не знает, как с ним поступить. Формально, он нарушил ряд инструкций, от службы его отстранили. Что касается остального – его должны судить соплеменники... Требования о выдаче мы до сих пор не получали.

– И что же он делает в лагере?

– Да как обычно, живет в казарме, посещает занятия, бегает...

– Бегает?

– Еще как... – Холодов посмотрел на часы: Желаете посмотреть записи? Или завтра утром, часов в шесть утра можете посмотреть лично...

Марк почувствовал себя рыбой, заглатывающей крючок.

– Да, пожалуй, уже поздно, продолжим завтра, – он рассеянно кивнул Холодову. Оказывается, у него масса дел. Следовало, основательно подготовиться к следующему дню. Да и заснуть, скорее всего, снова не удастся.

Дин трясся в кузове, держа между коленей винтовку. Что-то внутри него изменилось, он чувствовал это, но не мог понять, что именно. Может, просто еще одна бессонная ночь давала о себе знать. Окружающий мир как будто укрылся прозрачным пуховым одеялом, которое гасило цвета и звуки, не давало ни ясности взгляду, ни ясности мысли.

Уже к утру он, кажется, проваливался в некоторое подобие сна, но даже в этом он не был уверен. Его измученное сознание как будто отключилось, оставив на поверхности только самое необходимое.

Построение, проверка, оружие, связь, коды. Дин чувствовал себя автоматом, действующим по заложенной небесными хранителями программе. Отчасти в этом была виновата бессонница, да, но только отчасти. В глубине черной волны,

которая все больше обретала кроваво-красный окрас, под толщей мыслей и чувств, вспухало что-то, от чего болезненно ныло в груди. Дин знал, что убежать от этого невозможно и знал, что рано или поздно это выйдет наружу. Рано или поздно... Но не сейчас.

Сейчас.

Он вдруг понял, что стоит у тропы, облако пыли вдали, обозначает скрывающийся за горизонтом автомобиль. Ирт, без лишних слов свернулся калачиком, укрывшись от легкого ветерка за ближайшей дюной, лег прямо на песок. Кажется, он уже спал.

Как прошел день? Когда он успел доехать? Дин не знал. Комья белой ваты в голове помогали отогнать боль. Этого было достаточно. Он знал, что именно нужно делать. Сомнения и страх он похоронил там же, где прятались остальные чувства. Туман поглотил их на время. Жаль, что только на время.

Дин встряхнул головой, скорее по привычке, чем по необходимости. Слегка размял лапы. Даже собственное тело ощущалось как бы отдаленно, со стороны. Он побежал. Бег не приносил ни радости, ни усталости. Он был просто средством достижения цели.

Темп, темп, темп. Привычный и правильный. Восприятие постепенно приобретало остроту, но туман в голове не рассеивался. Тени дюн стали резче, запахи рассыпались в сотню знакомых пустынных ароматов. Дин чувствовал запах боль-

шого стада Кодов. Кат не обманул.

Взбежав наверх очередной дюны Дин, увидел животных. Стадо действительно было большое, и, вожак, опустив косматую голову, как раз разбежался для первого удара по невидимой преграде. Скоро все стадо – сначала молодые самцы, потом самцы старые, наконец, совсем молодняк и самки, один за другим будут бодать непонятную преграду, вставшую на пути. Столетиями, животные решали все свои проблемы таким образом, и не собирались менять привычки. Если не отключить сегмент стены, все стадо падет от истощения, но не отступится от проторенного маршрута.

Дин включил коммуникатор и обменялся с дежурным оператором стандартными формулировками. Все, что может случиться на маршруте, все было описано в инструкциях. Оставалось только следовать им.

– Кое-что все-таки не предусмотрели, – подумал про себя Дин и внутренне усмехнулся. – Кое-что...

Он подошел к панели управления стеной, на ближайшей колонне, откинул прозрачную крышку, добрался до пульта. Подождал, когда свою комбинацию введет оператор, затем, распаковав контейнер, ввел свою.

Несколько секунд, и контрольная лампочка на столбе погасла. Очередной бросок вожака, к которому к тому времени присоединились шесть или семь сородичей встретил пустоту. Напряженно принохиваясь, вожак вернулся. Стадо не спешило переходить подозрительное место. У Дина было

время. Достаточно времени.

Он поднялся еще на одну дюну. Отсюда был хорошо виден тент, расставленный с подветренной стороны клюва орла и маленькая фигурка рядом. Она ждала его.

Дин вдруг почувствовал, что пойман в ловушку, что безжалостная судьба тащит его вперед, к тому месту, где его ждет все то, от чего он прятался внутри самого себя. Утешением было лишь то, что в конце он видел и облегчение, избавление от боли. Но до этого момента было еще далеко.

Его вдруг затрясло так, что он едва не выронил винтовку.

Ритм, ритм, ритм. Привычная мантра бегуна и дрожь и страх отступают вглубь, окрашивая черную тучу внутри в новые оттенки. Казалось, тент, отбрасывающий в лунном свете длинную тень, находится в другой вселенной. Мгновение, и Дин встал рядом глядя в лицо той, что его ожидала.

Глядя и, чувствуя, что черная волна прорывает все воздвигнутые им барьеры. Она бьет его изнутри, калеча, ломая, пробивая себе путь, круша и коверкая все, чем он был, чем он стал. Он чувствовал, как эта волна накрывает его с головой, черный вихрь разбрасывает клочья ваты, делая любые его попытки остаться собой смехотворными и нелепыми. Он сам поразился собственному внутреннему спокойствию, островку, за который зацепилось его сознание, в самом центре бури. Этот островок был надежно огорожен его выучкой и внутренним контролем. Огорожен и укреплен знанием того, что он должен был сделать.

– Здравствуй, родич! – ее голос звучал неуверенно, но твердо, – Твой путь был долог, раздели со мной воду, пищу и кров.

Он смотрел на нее и видел все обличительные признаки. Да, она ждала его. Ждала потому, что ей так сказали. Ждала, потому, что другого выбора, у нее, по сути, не было. Ее задача проста – заманить его в тент, занять на несколько минут. О том, как она сама относилась к возложенной на нее миссии, Дин старался не думать, важно было то, что она ее приняла. Приняла и исполнила.

Красные всполохи разгорались в сознании все ярче. Не было выбора? У каждого есть выбор. Каждый бегун волен выбрать для себя один из 6 путей: бежать в любую из четырех сторон света, или не бежать вовсе, или думать, что бежит – так гласила древняя мудрость. И Дин сделал свой выбор и пройдет по выбранному пути до конца. Сценарий написан, и нужно ему следовать.

– Я надеялся, что наша встреча произойдет по-другому, но рад разделить с тобой кров, – ответил он, четко выдерживая установления. Его голос не дрогнул, ни одной, разоблачающей его понимание происходящего, нотки он не допустил. Или это ему так показалось.

Она внимательно посмотрела на него. Наверное, даже слишком внимательно. Все-таки Иза была из Народа, и не могла не почувствовать в нем некоторой странности. Дин был уверен, что она спишет все на щекотливость момента.

Пока она в задумчивости застыла перед ним Дин смог, наконец, ее внимательнее рассмотреть.

Нет, время никак не отразилось на ее красоте. Серо-голубой хохолок все также играл на ночном ветру, движения были легки, плавны и точны. Фигура ее слегка изменилась, как будто девичьи формы наполнились взрослым содержанием, делая ее еще более привлекательной. Лицо тоже слегка округлилось, достигая какого-то более тонкого уровня женственности. Несколько мгновений Дин позволил себе любоваться изгибом ее шеи, мягкой округлости лап.

Глаза изменились очень сильно. В них всегда Дин видел детскую веселость, даже насмешливость. Они горели яркими огоньками, казалось, улыбались всему миру. Сейчас в них застыли сомнения и страх. Где-то в глубине, в мелких морщинках, затаилась усталость, и желание поскорее избавиться от тяжелой ответственности. И рядом с этим, злая хитрость и неуверенность в том, что свою роль она играет хорошо. И ни следа прежних задорных огоньков.

Встретившись с ней взглядом, Дин окончательно уверился в том, что должен довести начатое до конца.

– Отчего ты медлишь? – спросил он, не отводя взгляда, и взгляд отвела она. Видимо решив, что его нетерпение вызвано естественными причинами она успокоилась.

Дин снова поразился плавностью и красотой ее движений, когда она распахнула полог палатки. Распахнула приглашающим жестом, таким простым и естественным, но чуть боль-

ше чем надо колыхнулся полог и свет, от лампы внутри, коснулся края скалы. Так просто.

До самого последнего момента Дин гадал, каков будет сигнал. Просто, очень просто и естественно. Следовало отдать должное Старейшим. Дин опустил глаза, пряча решимость обреченного. Заходя и опуская за собой полог, он склонился к песку и положил у входа свою винтовку. Древними Уставлениями было определено, что оружие должно оставаться вне жилища.

Внимательный наблюдатель мог бы заметить, что у карабина, оставленного возле палатки, тщательно смазанного, прикрытого специальными пластиковыми чехлами, предохраняющими от попадания в механизм песка, отсутствует примкнутый штык. Впрочем, внимательные наблюдатели, которые могли бы это заметить были уже далеко в песках.

Марк ворочался в кресле. Ноющие мышцы не давали возможности сконцентрироваться на происходящем на экране. Вечер и половину ночи он посвятил приведению в готовность своих нано-имплантов. Пришлось выпить изрядное количество химии, и провести несколько часов в тренажерном зале. Сейчас его мышцы были готовы к большим нагрузкам, чем может выдержать среднестатистический человек. Тем не менее, они, так же, как и у любого человека, ныли и

болели, и с этим ничего нельзя было поделать.

Конечно, таблетка болеутоляющего сняла бы все неприятные ощущения, но откатила бы назад половину эффекта нервной адаптации. Кроме того, после огромного количества препаратов, активизирующих нано-импланты, Марк был вынужден еще выпить таблетку снотворного. Еще одна химическая атака организму в виде обезболивающих, была бы уже слишком.

Холодов, как и вчера свежий и гладко выбритый, с выглаженной безупречной формой занял свою позицию в радиусе двух метров от начальства. Если у него и были проблемы со сном этой ночью, внешне это никак не отражалось.

Марк снова заворочался, пытаясь устроиться поудобнее. Холодов прокручивал перед ним нарезку из записей камер видеофиксации, снабжая собственными обильными комментариями. Перед Марком разворачивалась ежедневная жизнь аборигенов в лагере. Нарезка была сделана профессионально, Холодов комментировал иронично и с удовольствием, из чего следовал вывод, что нарезку сделал он сам.

Марк заставил себя прекратить ворочаться и сконцентрировался на экране. Рекруты бодро маршировали на плацу, Холодов продолжал объяснения: – ...послеобеденные строевые учения подходят к концу, личный состав направляется на учебу.

Камера переключилась на вид аудитории, в которой кто-то из военных консультантов читал лекцию. Камера пробе-

жалась по лицам слушателей, задержалась на нескольких рекрутах, на задних рядах, которые сладко дремали под монотонный голос лектора.

Ехидные комментарии Холодова Марк решил не дожидаться и спросил:

– А что сейчас происходит в лагере? Можете дать обзорную картинку?

Холодов пожал плечами и остановил запись. Экраны наполнились сеткой, каждая клетка которой показывала изображение с одной из камер наблюдения. Несколько экранов показывали только пустыню и уходящие вдаль столбы генераторов. Большинство камер показывали внутреннюю часть лагерных строений – плац, учебные классы, жилой корпус, столовую, офицерское общежитие. Отдельный монитор фиксировал все происходящее вокруг и внутри дежурной части и склада вооружения.

Марк усмехнулся. Все бордюрные камни были выкрашены черной и белой краской, также свежей краской сияли металлические ограждения базы и двери оружейной комнаты. Бессонная ночь была не только у него.

– Хорошо, а видеозаписи происшествия сохранились?

Холодов еще раз пожал плечами, как будто говоря: «За кого вы нас принимаете», и, произведя несколько манипуляций с пультом, включил картинку.

– Вот тут, – он указал на отдельный монитор и показал управление, – вы можете включить детализацию с любой ка-

меры, тут увеличение. Здесь наверху координаты и точное время. К сожалению, качество записей не очень, сами понимаете, нам поставляют всякое барахло, но мы стараемся...

Марк, углубившись в процесс управления, слегка покосился на полковника. По сравнению с большинством отдаленных колоний, местная система безопасности выглядела более чем образцовой.

Ритм, ритм, ритм. Дин бежал. Бежал так, как никогда в жизни. Ритм бега сливался с ритмом биения сердца и дополнял ритм дыхания. Ритм упорядочивал работу тела и упорядочивал мысли. Ритм отгонял черно-красный туман в голове и оставлял кристальную чистоту намерений, выделял важное из второстепенного, обещал скорое освобождение. Ускорение ритма давало возможность немного сократить время, до того момента, когда все задуманное будет выполнено.

Позади остался клюв орла и одинокий силуэт тента. Позади остались столбы генераторов и нерешительные Коды. Едва видимая, даже для пустынного жителя, цепочка следов было его указующий путеводной нитью. Она вела его из глубины пустыни к барьерным горам, к, невидимому пока, силуэту городских стен вдали, к последнему акту его трагедии, который он должен доиграть так, как решил. Но для этого ему требовалось максимальное напряжение сил.

Дин верно рассчитал, что отойдя на достаточное расстояние от стены, бегуны сменят бег преследования на бег путешественника, чтобы сэкономить силы для последнего рывка через охранную полосу у городских стен. У самой охранной полосы он и должен их настигнуть.

Три-четыре подъема (три, поправил он себя мысленно, узнавая приметы местности), и перед ним будет край охранной полосы. Дин проверил винтовку, дослал патрон в патронник, проверил запасную обойму. В поясном мешке он обнаружил еще две обоймы. Когда он успел забрать их у спящего Ирта, он не помнил, но очень обрадовался им. Это было хорошо.

Он опасался, что патронов может не хватить, ведь стрелять придется много и очень быстро. Нагретый бегом приклад уперся в плечо. К счастью, местность вокруг не давала возможность укрыться, тем не менее, задача была не из простых. Дин выровнял дыхание. Цепочка следов была глубокая. Стрелять придется быстро и много. Очень много...

Марк пересматривал записи происшествия. Разные камеры показывали одно и то же, и, казалось, он уже может разложить все события по секундам, однако просмотр следующего куска записи, давал Марку еще несколько деталей, не виденных им ранее.

– ...и заранее подготовились к любым неожиданностям. Пять групп захвата расположились по периметру под маскировочным полем... – Холодов меж тем рассказывал о подготовке к операции. Параллельно Марк смотрел камеру, установленную на шлеме одного из бойцов, показывающую одинокую фигуру, мчащуюся по бескрайнему полю песка с винтовкой на плече.

– ...проход к городу был блокирован еще тремя группами, вот они, на случай если караван будет маневрировать у охранной полосы. Для отпугивания местных животных установили ультразвуковые генераторы здесь, здесь и вот здесь... – полковник расстелил на столе подробный план операции, выполненный в цвете, по старинке, на большом листе бумаги, и показывал на нем, по ходу рассказа.

Марк смотрел, как со всех сторон сходятся группы захвата к точке, где пересекались маршруты каравана и, догоняющей его фигуры бегуна. Судя по синхронности действий, план был проработан до мелочей.

– Да мы все, все предусмотрели! – как будто отозвавшись на его мысли, взмахнул рукой Холодов, охватывая жестом и карту, лежащую на столе и изображение мониторов,

– Операция синхронизировалась мною лично с командного поста с обратной стороны дюны в трехстах метрах от точки встречи, я задействовал практически всех своих людей, и бог его знает сколько техники! Пустыня на маршруте каравана была нашпигована камерами, в воздухе болтались

три боевые машины, патроны мы ему заранее заменили на холостые... Мы все предусмотрели!

Марк смотрел изображение с камеры со шлема солдата, который по окончании операции заглянул в тент. Изображение слегка дрогнуло, камера ушла в сторону пустыни. В это время, на другой камере, показывающей командный пункт, Марк видел, как Холодов, выслушав доклад пехотинца, изменился в лице.

Кое-что все-таки не предусмотрели, – подумал про себя Марк и невесело усмехнулся. – Кое-что...

К середине следующего дня все материалы были просмотрены, Марк досконально изучил карту, все отчеты каждого из военных, задействованных в операции. Все было понятно кроме последнего вопроса – почему?

Ответ на этот вопрос он видел на камерах видеонаблюдения, показывающих лагерь в реальном времени. Он ел, спал, затем выходил в пустыню и снова и снова мчался по вершинам дюн.

Марк знал, что ему предстоит сделать, но по какой-то причине все время это откладывал.

Из окон кабинета Холодова открывался замечательный вид на пустыню. Слева и справа, неровная граница барьерных гор, и громада городских стен, отрезали зеленеющие са-

ды юга от раскинувшегося внизу моря песка. В хорошую погоду отсюда, с вершины барьерных гор, можно было рассмотреть верхние сегменты столбов силового барьера. Край барьера упирался в отвесные горные кручи, затем под небольшим углом сворачивал к востоку и проходил около лагеря, где несли свою службу рекруты из аборигенов. Дальше стена шла практически прямо на восток, вплоть до еще одного обрыва, отвесно уходящего в море.

Покидая кабинет, Марк еще раз окинул взглядом длинную череду дюн, прерывающуюся короткими полосками скальной породы. Посмотрел на громаду городских стен, и, давно переросшие ее пределы, городские постройки. Кристально чистый воздух позволял рассмотреть крошечные фигурки часовых на западной наблюдательной башне и по стене над пустынными воротами.

Сегодня Марк завершил предварительный сбор данных и, попросил Холодова доставить его в лагерь в пустыне. На удивление, везде следующий за Марком полковник, в этот раз решил остаться на базе, сославшись на сильную загруженность текущими делами.

Флайер, который доставил Марка в лагерь, потратил больше времени на взлет и посадку, чем на сам полет. Предупрежденный о высоком госте командир гарнизона, вышел встречать его лично. Холодов обещал полное содействие персонала и, похоже, обещания свои выполнял в точности. Марку выделили отдельное помещение в офицерском общежитии,

поставили на довольствие в столовой и предоставили полную свободу действий.

Меж тем, время подошло к обеду, курсанты правильным строем направлялись на прием пищи. Среди них, в строю вышагивал и Дин. Марк еще раз мысленно просмотрел все, что знал про это существо. Сейчас он пообедает, затем не спеша подойдет к главным воротам базы, и, постояв несколько минут лицом к спящему кругу полуденного светила, умчится в пески. Что он там делает? Встречался ли он в его путешествиях с соплеменниками, и как они относятся к свершенному им?

Марк подозревал, что ответ на эти вопросы, не приблизят его к окончанию расследования, но, тем не менее, желал их задать. И, что было совершенно непонятно, боялся. Боялся, что не получит на них ответов.

Поэтому, когда его тень пересекла условную линию ворот базы, а впереди показался знакомый по видеозаписям силуэт, Марк остановился в 10-15 шагах и тоже посмотрел на раскинувшийся перед ним серо-желтый простор песков.

– Вы, инспектор, ваше имя Марк, вы прибыли по моему делу...

Марк внутренне вздрогнул, но, пересилив себя, подошел ближе. Не такого начала разговора он ожидал.

– Вы не ожидали от дикаря подобной осведомленности и вам любопытно, откуда я так много знаю, – продолжал Дин, затем повернулся к нему и посмотрел Марку прямо в глаза.

– Я вижу, у вас очень много вопросов ко мне, – Марку он казался просто черным силуэтом, уже начавшее послеобеденный спуск солнце светило ему в глаза.

– Вы ответите на них? – Марк заговорил, и сам поразился умоляющей нотке, которую он услышал в собственном голосе.

– Не желаете пробежаться? – как будто не заметив его вопроса, спросил Дин. Его ноги, точнее лапы, внутренне поправились Марк, исполняли какие-то танцующие движения.

«Он же разминается перед бегом» – понял Марк и вместо ответа несколько раз присел, растер руками занемевшие от долгого сидения в кабинете мышцы икр. Дин продолжал свои пританцовывающие движения, но Марк понял, что бегун давно готов и ожидает, только, когда он закончит свою разминку. Марк распрямился, слегка подпрыгнул на месте.

Дин кивнул, и, набирая скорость, взлетел на вершину первой дюны. Марк держался слегка сзади и сбоку. Они мчались через пески, то поднимаясь над перегретыми солнцем дюнами, то опускаясь в неглубокие перепады между ними. Песок оказался на редкость удобен для бега, он слегка пружинил и почти не скользил под ногами.

Вдалеке пропали сторожевые вышки базы, за линией горизонта скрылись вздымающиеся в небо колонны генераторов. Дин и Марк уходили все глубже в самое сердце пустыни.

Марк чувствовал, как активно работает его костюм, впи-

тывая катившийся градом пот, охлаждая перегревающуюся кожу, как включились в работу подготовленные импланты. Несмотря на всю мощь имеющегося оборудования, он понимал, что долго выдерживать эту гонку ему не под силу. Просто не хватит дыхания. Он уже дышал тяжело, хотя сохранял постоянный ритм дыхания, как его учили. Неожиданно, на вершине одной из дюн Дин замедлил шаг и остановился. Марк, повторив его движения, встал рядом. Перед ними открывался вид на скалистую гряду, встающую на горизонте. Скалы, смазанные расстоянием, напоминали торчащий в небо многокилометровый частокол древнего укрепления, или зубы мифического дракона.

– Там, – указал рукой Дин, – начинается долина шести врат. Там начался первый Бег, и началась история моего народа.

– Там Дар прошел шесть врат и принес зерно жизни в эти пески, – в тон ему ответил Марк, – вы тоже хотите ответить на мои вопросы, но хотите сделать это, по-своему...

Дин повернулся к нему, и несколько минут они молча рассматривали друг друга. Теперь, на вершине дюны, в свете уже клонящегося к горизонту, но еще яркого солнца, казалось, ничего не могло ускользнуть от взгляда.

– Ты знаешь Дара? – Дин перешел на «ты», и Марк понял, что прошел проверку.

– Я читал Легенду о Даре и шести вратах, Легенду о рождении мира...

Дин усмехнулся и поправил: – Песнь.

– Песнь?

– Да. Легенду рассказывают, когда бегут, она построена по принципу ритма бега путешественника. Песни поют, находясь в лагере, вечером, перед тем как отправиться в сон. Легенды о рождении мира нет. Есть только песнь.

Дин снова посмотрел на гранитные глыбы на горизонте.

– Я был учеником старейшего Ага – единственного, кто знал все легенды и песни народа, трех пустынных племен, из которых осталось только наше племя -племя Онн. Если хочешь, на обратном пути я расскажу тебе Легенду. Я знаю их все.

Дин развернулся спиной к далеким скалам и побежал в сторону базы. Как только они набрали скорость, Дин заговорил:

«Собравшись с силой, ветер пыль несет,
От края гор барьерных к красному песку,
По полю смерти к раненному волку,
Над круглой шапкой ледника в страну печали строгой»

Ритм строчек слегка прыгал, и Марк, вспомнив, с какой скоростью бегал Дин на видеозаписях понял почему. Бегун специально снизил скорость, чтобы Марк успевал за ним. Строчки не ложились в ритм. И, представив себе темп, с которым он должен бежать, чтобы строки легли правильно, точно в ритм дыхания, Марк понял, что не пробежал бы в

таком темпе и половину пути.

Как будто прочитав его мысли, примерно на середине пути обратно, Дин остановился около одинокой скалы. Волею ветра она выглядела как стрела, смотрящая острием в глубинную пустыню. Около нее они немного постояли и Марк, сбивая дыхание, сказал:

– Я знаю эту Легенду, это легенда о холодном песке. В ней описываются приметы местности, ведущие к долине шести врат. Только, там еще были кровавые камни и спуск отчаяния...

Дин усмехнулся:

– Ты не знаешь эту Легенду. Ты читал ее так, как ее записали городские. Они никогда не были здесь, никогда не спускались в долину и никогда не слышали ни одной нашей песни или легенды целиком. Они записывали все что услышали, а остальное придумывали сами.

Я расскажу тебе. Береги дыхание, – сказал Дин и снова побежал. Марк глубоко вдохнул, выдохнул и пристроился рядом:

«У тени стен таится ход,
Что скрыт от стражей скинь-травую,
И свежий цвет его бутона,
Тебя к спасению ведет».

«тебе покажет ключ ворот», автоматически поправил про себя Марк и устыдился этого. Здесь, посреди открытой пу-

стыни потуги городских поэтов выровнять слог Легенды выглядели смехотворными.

В этих строках не было ни рифмы, ни красоты. Но в лучах заходящего солнца, задыхаясь от многочасового бега, Марк увидел в них удивительную гармонию, точность подобранных звуков, слогов, слов, которые, помогают удержать ритм дыхания, отвлекают от монотонной нагрузки, и, одновременно, передают важную информацию.

Около ворот Марк остановился. Костюм не справлялся. Волосы на голове были мокрыми от пота, сердце стучало в сумасшедшем ритме.

– Завтра, – сказал Дин, – если хочешь, завтра, в то же время, я расскажу тебе другую Легенду.

И он скрылся в воротах.

Марк прислонился спиной к забору, пытаюсь восстано-
вить дыхание. Стоящие на карауле у ворот рекруты смотре-
ли на него со смесью восхищения и страха.

Он поднял глаза к небу, пытаюсь догадаться какие чувства
сейчас испытывает человек, который наблюдает за ним через
установленные по всему лагерю камеры.

Ритм, ритм, ритм. Марк бежал. Во сне и наяву не осталось
в мире новых картин, все закрывала пустыня – океан пес-
ка и низко нависающая громада небес, надрезаемая острия-

ми верхушек дюн и редкими скалистыми пиками. Уже почти неделю он, день за днем, проводил в одном ритме. Подъем, просмотр записей, обед, вечерняя вылазка в пески.

У него сложилось впечатление, что количество нано-клеток в его мышцах достигло критического значения, он удвоил количество принимаемых для их подкормки таблеток, однако Марк чувствовал, что и его собственные мышцы превращаются в стальные струны.

Дыхание, в конце их совместных пробежек, выровнялось, обрело глубину, и он перестал просыпаться по ночам от того, что мышцы ног сжаты тугими комками боли.

Дин каждый день приводил его в одно и то же место в глубине пустыни, откуда открывался вид на острые клыки скал вдалеке. Наложив маршрут их пробежки на карту, Марк обнаружил, что они приходят в место, буквально на несколько километров удаленное от места катастрофы военного фляера, о котором ему рассказал Холодов. Марку совсем не нравилось это совпадение.

Дин рассказывал ему легенды. Легенду за легендой посреди огромной пустоты дюн. И в этом однообразии пейзажа вокруг, однообразия событий, однообразия мыслей и чувств, Марк находил в словах легенд столь яркие краски, что иногда ему казалось, что это он, Марк, мчится по пустыне, обгоняя смерть к городским стенам, неся в заплечном мешке семя жизни, а, бегущий рядом Дин, рассказывает ему про неведомого старейшего небесных хранителей, занятого свои

расследованием где-то в далеком ином мире.

Дин учил его разбираться в дюнах: – Смотри, какое у этой дюны широкое основание. Она практически не движется, только ветер потихоньку стирает ее верхушку. А вот эта – вытянутая и низкая – может переместиться за день на несколько километров. Мы называем такие дюны – шатунами.

Он показал также схроны, скрывающиеся под специальными скалами – отметками. Каждый схрон содержал запас пищи и воды, оружие и медикаменты – стандартный пустынный набор, помогающий выжить попавшему в беду путешественнику. Специальная команда ежедневно пересекала пески, инспектируя такие хранилища и пополняя их запасы.

– Смотри, вот логово песчаных скорпионов, – Дин указал на торчащие из песка сухие стебли в тени скалы.

– Скорпион умен и хитер. Он откладывает яйца, которые принесут потомство в тени скалы так, чтобы утреннее и вечернее солнце грело их, а от полуденного зноя они были спрятаны.

Марк видел песчаных скорпионов. Тварь несколько сантиметров в длину несла в себе мощнейший яд, способный свалить даже толстокожего Кода.

– К гнезду нужно подходить осторожно, по часовой стрелке, приближаясь не более чем на шаг на шесть шагов в сторону.

– Почему бы не сжечь гнездо прямо отсюда? – Марк по-

ложил руку на пистолет.

– Каждый в пустыне живет своей жизнью и без необходимости не отнимает чужую. В этом разница между пустыней и долиной. – Дин осторожно начал описывать круги вокруг гнезда, постепенно приближаясь к нему. В руке он держал копье, острием вниз.

– Здесь совсем рядом схрон, и гнездо около него, это плохо. Неправильно. Надо указать скорпиону на это, и он уйдет сам и заберет свою кладку.

– Вы в своей пустыне слишком любите окольные пути, – сказал Марк.

– В пустыне нет прямых путей, – сказал Дин, – Если ты побежишь прямо к цели – потеряешь много времени, путаясь в песке и растрачивая силу в спусках и подъемах. А я побегу в обход, по верхушкам дюн. И прибегу первым.

Дин подошел почти вплотную к гнезду.

– Ты мог бы сжечь гнездо, но скорпионы никогда не уходят далеко от своей кладки. Если даже и уходят – мы обошли вокруг, и сейчас их рядом нет, они обязательно проверят свое гнездо позже. Увидев разоренное гнездо, они учуют твой запах и пойдут за тобой. Они будут идти столько, сколько нужно и когда ты заснешь, ужалят тебя вот сюда – Дин показал на шею, чуть выше плеча.

– Тогда ты умрешь, а скорпионы отложат новую кладку.

– Я не боюсь никаких ядов! – Марк улыбнулся, – Да и вряд ли эти тонконогие малявки смогут догнать меня в пустыне.

– Ты, не боишься, да... – Дин подобрался к гнезду и замер, – но по дороге, когда он будет гнаться за тобой, он будет жалить всех, кто попадется ему на пути. Меня, кого-то еще... А вот так – Дин осторожно прочертил острием копыя несколько глубоких борозд в песке, песок осел ниже по склону – Скорпион решит, что дюна сползает, и сам заберет отсюда гнездо. И никто не умрет.

Вот так, – Дин осторожно отступил назад, – Запомни: прямой путь в пустыне лежит по верхушкам дюн.

И они снова побежали.

Марк бежал. Все тело было подчинено размеренному ритму слов, а душа – их содержанию. С каждой легендой перед ним открывался еще один эпизод нелегкой жизни пустынных жителей. Одни легенды рассказывали обо всех премудростях сбора лекарственных трав, другие – о способах помощи раненым. Некоторые легенды помогали ориентироваться в пустыне, другие, рассказывали о временах года и связанных с ними обрядах племени.

– Почему вы не записываете ваши легенды? – спросил он во время очередной короткой остановки.

– Ты задал не тот вопрос, – невозмутимо сказал Дин: – я рассказывал тебе легенду о короткой строке, и ты знаешь про хранителей знаний. Ты хотел спросить, почему записав их, мы не забываем их повторять.

Марк находил манеру общения своего оппонента и изысканно-иносказательной, и обескураживающе прямолиней-

ной одновременно.

– Мой вопрос как путь по верхушкам дюн, – ответил он Дину, намекая на то, что чтобы получить нужный ответ, необязательно задавать правильный вопрос.

– Ты бегаешь все быстрее, – в тон ему, ответил Дин, и, снова перейдя от иносказаний к прямолинейности заговорил: – Нас всегда преследовали. Все что невозможно взять с собой – должно быть легко восстановить в новом месте. Бумага горит, а слова, которые повторяют, никогда не забываются.

Марк задавал много вопросов. Дин, в своей странной манере, отвечал на них, они снова уходили в бег. Лишь один вопрос безмолвно завис между ними. Невысказанный, но отбрасывающий безмолвную тень на каждую их беседу: "Почему ты убил ее? Почему хотел убить своих соплеменников?" Марк чувствовал, что Дин понимает этот вопрос, но не спешит на него ответить, и Марк не торопил его.

Меж тем, видеозаписи были просмотрены по несколько раз, все события сложились в общую картину, все документы изучены и сверены. Стальная машина расследования перемолола практически все, что мог предложить ей Холодов, и буксовала на месте, не видя дальнейшей перспективы. Пробежки с Дином давали огромное количество информации, но она никак не могла помочь пролить свет на происшедшее.

Марк ожидал проявления недовольства со стороны Холодова, но полковник ни словом, ни делом не показывал, что желает избавиться от загостившегося чиновника.

Марк обнаружил, что весь мир вокруг него выстраивается в странной почти математической последовательности. Он мог с точностью до минуты предсказать, где будет находиться, и что делать сегодня, завтра, послезавтра. Эта удивительная упорядоченность жизни, никогда ранее недостижимая, каким-то образом влияла на его способности восприятия, давала возможность внимательнее относиться к окружающему миру.

Однообразный пустынный пейзаж вдруг раскрылся перед его мысленным взором как веер в руках умелого танцора. Он увидел вместо монотонного желто-серого песка, множество цветов и оттенков, обозначающих залежи металла в глубине, либо наличие недалеко источника воды. Слегка более черный цвет туч на горизонте обозначал приход бури, менее черный с синюшным отливом – мечту путешественника в пустыне, дождь. Дюны в песках жили собственной жизнью – они рождались, перемещались, объединялись и делились, рассыпались в прах. Скалы давали тень и убежище, хранили скрытое и давали возможность осмотреть горизонт, но также скрывали врагов и множество опасных пустынных существ – ядовитых и хищных, бегающих, ползающих, скачущих и растущих.

Пустыня существовала в собственном ритме и жила соб-

ственной жизнью. Они с Динотом были частью ее и, как будто слегка над ней – перемещались практически все время по верхушкам дюн, как ветер пересекали огромные расстояния за ничтожное время. Были все время на виду и при этом, не привлекали лишнего внимания.

Почему мы не идем туда? – спросил Марк, в очередной раз глядя на острые пики на горизонте.

– Ты этого хочешь? – спросил Дин, и Марку почудились в его голосе незнакомые ранее нотки.

– Да, – он помедлил: Да, я хочу отправиться туда.

Марк, вдруг понял, что этого разговора Дин ждал именно сегодня. Математически построенный мир окружал его, преследовал невероятной четкостью прямоугольных граней. Сегодня они уходили в пустыню в шестой раз. Число шесть имело в культуре дикарей огромное значение – шесть врат, шесть путей, шесть дочерей на брачной церемонии...

Только теперь Марк с удивлением, граничащим с ужасом, заметил, что подчиняется магии этого числа: шесть крошечных глотков воды, когда мучает жажда, шесть широких шагов чтобы испытать песок, шесть минут отдыха в тени.

– Ты желаешь принять участие в Беге? – Дин сказал это с теми же интонациями что и легенды, рассказываемые им во время их вылазок. Марк почувствовал, что стал участником ритуала.

– Да, – ответил он, понимая, что другого ответа от него не ждут: – Я хочу участвовать в Беге.

Дин на несколько секунд замер, как будто что-то обдумывая, затем, окинул Марка оценивающим взглядом.

– Старейшие дали разрешение на внеурочный бег, – сказал он, отводя глаза, – но нужно как следует подготовиться. Пустыня не готова, – Дин обвел рукой вокруг в пугающе человеческом жесте, – Ты не готов. Бег будет.

До самого лагеря Дин не проронил ни слова. Около ворот он остановился, и, пока Марк восстанавливал дыхание, сказал:

– Завтра мы отправимся утром, и будем в дороге весь день и еще следующий день. К вечеру следующего дня мы будем у ледяных вершин, у края барьерных гор. Там, где кончается пустыня. Там мы пробудем день. И два дня займет обратный путь. Будь готов.

Марк не ожидал такого скорого развития событий и остался стоять у ворот в некоторой растерянности, пока Дин, как ни в чем не бывало, возвращался в казарму. По традиции, бросив взгляд на мигающий огонек камеры наблюдения, Марк отправился в свою комнату.

Комната, которую выделили Марку, располагалась на третьем этаже офицерского общежития, в середине длинного коридора. Помещение небольшое, но крайне функциональное – с кроватью, шкафом, мини кухней, отдельным санитар-

ным узлом, и даже, с собственной душевой. Ей-то, по сложившейся традиции, Марк и воспользовался, прежде всего. Смыть с себя песок, освободится от его вездесущих крупинок, смыть с себя пот, а вместе с ним и усталость, оставив только приятное гудение в мышцах – безмолвное свидетельство пройденных километров. Очистившись, и утолив голод, Марк решил перейти к сбору вещей. Нужный параграф инструкции легко всплыл в его тренированной памяти, и Марк нахмурился.

Формально, предстоящая вылазка считалась инспекционной, и поэтому требовалось извещение гражданского и военного руководства колонии. Даже несмотря на то, что колония, фактически состояла из десятка военных и двух десятков гражданских.

Марк набрал на видеофоне номер Холодова. Полковник ответил немедленно, обстановка за его спиной однозначно указывала на знакомое помещение наверху базы – военное руководство было на посту. Услышав о намечающейся вылазке, Холодов слегка нахмурился и предложил в сопровождение офицера и пару солдат. Марк категорически отказался, опасаясь, что в присутствии военных Дин не скажет ни слова. В конце концов, сошлись на ежедневной связи и визуальном подтверждении патрульного флаера, два раза в сутки.

– И, полковник, – добавил он в конце, – давайте обойдемся без ваших шпионских штучек.

Холодов улыбнулся, пожал плечами и отключился.

Дальше Марка ожидал разговор с начальником исследовательской группы, и он поймал себя на том, что ему совсем не хочется разговаривать с этим человеком. Впервые познакомившись с этим суховатым маленьким стариком на посадочном поле космодрома, Марк старался как можно меньше с ним общаться. Его звали старинным польским именем Витольд, переделанным на латинский манер в Виктора. Фамилия также была старинная, с глубокими польскими корнями – Коморовский. Он, так же, как и Холодов выдерживал дистанцию в общении, но в отличие от, демонстративно корректного, в любых вопросах, полковника, смотрел свысока и вел себя почти вызывающе.

Коморовский имел несколько ученых степеней, и крайне отвратительный характер. Каждый его жест, каждое слово, казалось, подчеркивало его недовольство тем, что он был оторван от важных исследований, и вынужден тратить время на пустяки.

Прошло не менее трех минут ожидания ответа, когда экран коммуникатора, наконец, засветился. Начальник научной станции сидел за собственным письменным столом и что-то записывал. Едва оторвавшись от записей, он бросил короткий взгляд в сторону экрана: – Добрый вечер, господин следователь. Как продвигается расследование?

– Спасибо, хорошо, – Коморовский продолжал делать записи. Пауза затянулась.

– Чем обязан в столь поздний час? – еще один взгляд мельком на экран.

– Я бы хотел уведомить Вас о предстоящей завтра инспекционной поездке. Я намереваюсь, в сопровождении местного жителя, отправится в открытую пустыню, по-над барьерными горами. Путешествие займет не менее 5 дней. Если вас интересует маршрут, прошу обратить внимание на карту...

– Нет, нет, – Коморовский махнул рукой и снова принялся записывать, – благодарю, избавьте меня от подробностей. Нам нечего скрывать и нечего опасаться. Надеюсь, Холодов обеспечит вас надежным эскорт и транспортным средством, в пустыне может быть опасно. Не забудьте взять достаточный запас воды.

Марк почувствовал, как в нем растет негодование. Коморовский вел себя так, как будто желал намеренно нанести оскорбление, формально придерживаясь приличий.

– Разрешите полюбопытствовать, что вы там записываете? – Марк решил, во что бы то ни стало привлечь его внимание.

– О, я веду ежедневные записи, своего рода дневник, – Коморовский посмотрел на экран чуть внимательнее, но продолжал свое занятие, – Возможно, в наш век рукописный дневник покажется анахронизмом, но поверьте, для последующей обработки, не бывает материала информативнее.

Ручка продолжала бегать по листам, а Коморовский вдруг заговорил лекторским тоном:

– Знаете ли, все эти современные регистраторы не позволяют достичь глубины восприятия рукописного текста. Все поверхностно, голые факты, двоичный код, суррогат. Использование всех этих новомодных штучек обнажает плоскость мышления, – еще один выразительный взгляд в экран, и снова к записям: – Вы очень верно решили отправиться по пустыне по краю барьерных гор. Наиболее красивая часть этого материка, без сомнения. Впрочем, – ручка снова замерла на секунду, затем возобновила свой бег, – я не вижу, как это поможет Вам в вашем расследовании.

Марк уже собирался распрощаться, когда Коморовский вдруг отбросил ручку и, вместе со стулом, придвинулся ближе, глядя прямо в экран прищуренными близорукими глазами:

– Вы читали отчеты по этой планете? Конечно, читали. Надеюсь, что они все для вас были собраны достаточно полно. Удивительное место, требующее детальнейшего, детальнейшего изучения. А мне предоставили штат в 24 человека. У военных, которые бестолково топчутся вокруг своих драгоценных башен вдвое больше! Вы слышали, что мы обнаружили неизвестное ранее поселение к югу отсюда? Только сегодня поступили ошеломляющие данные – это старая земная колония, времен первых колонизационных полетов. Вы можете себе представить какой здесь объем работы? Что же мне отвечают в министерстве? – Коморовский брезгливо толкнул по столу какую-то бумагу, – Предлагают обходиться

собственными силами. Обещают оплатить дополнительные 12 кредитов, за каждый день раскопок. Двенадцать кредитов! Бред!

Казалось, Коморовский забыл, что коммуникатор включен.

– Шесть лет я возглавляю эту богом забытую исследовательскую базу, шесть лет упорных поисков, анализа, подбора данных. Какую новую информацию можно собрать среди этих туземцев? Типичная гуманоидная колония, каких тысячи, миллионы. Разве что кое-что в генетическом плане представляет определенный интерес, остальное пыль на полках, бесполезный хлам! Зачем, зачем нас сюда прислали, для какой цели, два десятка тунеядцев и лоботрясов, собрали здесь под моим руководством, а точнее сказать, собрали, чтобы отрывать меня от настоящих, стоящих этого исследований. Для чего, скажите мне, шесть лет изучать примитивную тупую недоразвитую цивилизацию, а когда появилась возможность реального прорыва, настоящий объект для исследований, что мне предлагают? Кость голодной собаке? Двенадцать кредитов? Проклятье! – выругался Коморовский, махнул рукой и снова бросил свой взгляд на коммуникатор, – Простите за резкость, надеюсь, вы сможете хотя бы, донеся мои слова до руководства, принести этим минимум пользы своим посещением. Изучайте все, что вам нужно и удачи вам в этой вашей... эээ... инспекции. Спокойной ночи.

Коморовский отключил связь.

Марк был слегка ошарашен злостью и напором старика, его, почти хамскими манерами. Однако что-то в этом монологе было не так. Эмоции, которые показывал Коморовский, не совпадали с построением слов, которые он говорил. Если внимательно вдуматься в смысл сказанного, получалось, что профессор противоречил самому себе чуть ли не через слово.

Коморовский не случайно сорвался – этот разговор был каким-то хитрым ходом в неведомой игре. И что-то еще в его словах настораживало Марка. Ах да, момент, когда тот заговорил про отчеты, в голосе старика проскочила какая-то очень странная нотка. И фраза была построена не типично, она не вписывалась ни в общую линию монолога, ни в манеру вести беседу Коморовского.

Укладываясь в кровать, Марк продолжал прокручивать в голове состоявшийся разговор. Что еще он говорил? Вот. Марк почувствовал, что ухватил самый краешек разгадки, самый кончик тонкой нити, потянув за которую сможет распутать весь клубок окружающих его недомолвок и странностей. Старик говорил про генетику, и Марк вспомнил, что в прочитанных им отчетах, отсутствовала какая-либо информация на этот счет. Если это была не случайность, то из этого следовало, что не только официальные документы подвергались чьей-то осторожной коррекции, приведению к состоянию "обычных", но и научные. И, еще, по всей видимости, Коморовский опасался выражать свои мысли напрямую, ста-

раясь намеками, недомолвками, донести какую-то информацию до Марка. Кого мог бояться ученый? Прослушивать сообщения в пределах планетарной связи мог практически кто угодно, вот только в отдаленном гарнизоне не так много специализированного оборудования.

На первый план сразу всплывал Холодов, да и правки в официальных документах – вполне в его стиле. Оставалось только выяснить, зачем все это сделано, и что именно пытался донести до него Коморовский. Только этому всему придется подождать, ведь ему нужно было готовиться к Бегу.

Только теперь, самому себе он смог признаться в том, что Бег для него стал важнее всех расследований, которые он вел.

С этими мыслями Марк уснул.

Марк спал и видел сон. Что-то огромное нависало над ним, летело сверху, стремясь раздавить его, уничтожить саму суть того, чем он был. Он пытался убежать от этого, но как не напрягал силы – не мог сдвинуться ни на дюйм. Вдруг там наверху, еще выше он почувствовал что-то еще большее, еще более могущественное, нависающее над ним и над другой неведомой враждебной силой. Затем вокруг него сомкнулась темнота, внутри которой сверкали вспышки и крутились неясные тени. Тени подбирались к нему, они желали

его крови. Они что-то кричали и приближались к нему со всех сторон, разгоняя окружающую его тьму. И когда круг почти сомкнулся невесть откуда взявшаяся вспышка огня, уничтожила их. Марк вздрогнул и проснулся. В горле пересохло, а сердце колотилось в сумасшедшем ритме. В окно заглядывали первые лучи просыпающегося светила.

Впервые Марк вышел в пустыню утром. Встающее на горизонте солнце светило им в спину, холодный утренний ветерок сыпал в глаза мелкую крошку песка. Он и Дин опустили на лицо защитные повязки. Привычный темп легенды, изменился вместе с тембром голоса рассказчика, приглушенного тканью.

Они бежали на запад, и, с каждым шагом, песок под ногами становился все податливей и податливей. Казалось, сама пустыня против того, чтобы допустить их к своим тайнам. Марк почувствовал, что его ноги увязают в песке, совсем немного, практически незаметно, но усилия, которые необходимо было прилагать, для преодоления этого сопротивления съедали всю его выносливость. Клыки скал, отмечающих границу долины шести врат, оставались слева, на самом краю горизонта маячила верхушка барьерных гор. В отличие от привычных серых скал, впереди показались синеголубые шапки ледников.

Казалось, всего несколько десятков шагов и до льда можно будет дотронуться рукой, но солнце давно прошло середину небосклона, а горы оставались так же на линии гори-

зонта, как и раньше. Как будто смеясь над путниками, они ни на метр не приближались, а только задирали все выше в небо громады своих ослепительных шапок. Добравшись до укрытия в тени скального островка, путники остановились, чтобы подкрепиться захваченным из лагеря пайком.

Марк присел на песок, растирая ноющие мышцы ног: – Песок слишком мягкий, так и должно быть?

– В какую сторону дует ветер? – вопросом на вопрос ответил Дин. Только сейчас Марк сообразил, что во время всех их прежних пробежек всегда дул легкий западный ветер. Сегодня ветер дул на восток, и нес он с собой не влагу морских просторов, а высушенный серединной пустыней раскаленный воздух.

Дин опустил рядом, поднял пушистой ладонью горсть песка и пустил ее по ветру.

– Осень ушла, ушел ветер, ушло время тайн. Каждую весну и осень ветер меняется, песок намокает, наступает время Бега. Сейчас на пороге зима, время Гона. Только путь в город закрывает стена...

Дин замолчал, глядя на высыпающиеся в ветер крупинки, и Марк почувствовал себя неудобно. Он был одним из тех, кто построил эту стену.

Дин тряхнул гривой, распрямился: – Сила Народа давно ушла бы в эти пески, если бы мы делали только то, что нам позволяют. Идем, я покажу тебе, как повернуть ветер.

Они снова побежали. Ветер усилился настолько, что голос

рассказчика тонул в его порывах и Дин замолчал. Они бежали сквозь несомую ветром серую массу песка. Ветер еще сильнее замедлял передвижение.

Песок набивался везде, в любую незакрытую щель в любое крошечное отверстие. Ткань-маска, защищающая от песка, затрудняла дыхание, Марк начал выбиваться из сил. Дин продолжал бег, не снижая скорости. Казалось, окружающая действительность не оказывает на бегуна ни малейшего влияния.

Наконец, когда Марк уже потерял счет времени посреди серого марева, впереди показались тени скал, ветер, как по мановению волшебной палочки стих, закружившись у них за спиной песчаными водоворотами. Он был где-то рядом, свистел в невидимых в темноте скалах, однако в том месте, где они стояли, воздух едва шевелился. Марк отвел от лица ткань, принюхался. В воздухе явно чувствовалась влага и запах свежей растительности. Только сейчас он сообразил, что стемнело не только потому, что наступил вечер, и не только от туч песка над ними. Они находились в тени огромного скального обрыва, уходящего куда-то в невообразимую высоту.

– Мы отдохнем здесь. Подъем нельзя начинать уставшими, – Дин расстегнул застежки палатки и установил тент в специально отведенном месте. Марк заметил, что камни хранят следы многочисленных креплений крючьев для растяжки тента. Этим местом для стоянок пользовались очень ча-

сто.

Он взглянул вверх. Скала поднималась отвесно вверх, все сильнее и сильнее склонялась в сторону пустыни. Подъем? Конечно, в камне было огромное количество выступов и трещин, но подниматься без снаряжения под таким углом было совершенно невозможно.

Дин бросил ему свою опустошенную флягу и показал на камень неподалеку. Марк понял его без слов. Усталость и пройденный вместе путь делали слова лишними. Зайдя за указанный камень, он обнаружил вырубленные в скале ступеньки. Они вели в неглубокий подземный грот. Спустившись в него, Марк увидел струйку воды, истекающую из щели в камне. Падая вниз, она уходила в песок и бесследно в нем растворялась. Из щели ощутимо тянуло влагой и холодом.

Увидев, как вода исчезает, утекая в песок, Марк вспомнил, что последние несколько километров песок снова обрел ощутимую пружинистость и более не стеснял шага. Они находились в тени Южных Предбарьерных гор. Их путь к ледникам был завершен.

Наскоро перекусив, они с Дином забрались в палатку. Каменные стены, окружающие их дышали холодом, а топлива для костра достать было неоткуда. Даже обогрев, услужливо включенный его костюмом, не спасал Марка от пронизывающего влажного сквозняка. Едва закутавшись в одеяло, он мгновенно погрузился в сон.

Снилось ли ему что-то или нет, Марк не помнил. Помнил только, что несколько раз просыпался от далекого рокота. Приподнявшись, он прислушивался, озираясь в темноте палатки. Крошечный фонарь в дежурном режиме едва освещал палатку. Дин приподнял голову. Увидев его вопросительный взгляд, Дин успокаивающе махнул рукой и снова завернулся в одеяло. В следующий раз Марк, разбуженный странным звуком, просто укутывался плотнее и снова засыпал.

Марк проснулся, посмотрел на часы. Светящийся циферблат показывал семь часов утра. Дина рядом не было, очевидно, ушел на традиционную утреннюю пробежку. Больше Марка беспокоило то, что он не слышал, как открывается палатка и уходит его провожатый. Никакая усталость не могла служить оправданием. Выходило, что хваленая выучка следователя давала сбой.

Он выбрался из палатки. Холодный воздух, поднимающийся от камней, заставил его поежиться. Оказывается, Дин уже вернулся из пустыни, выложил на камне свою добычу – несколько лепешек Кодов. Они развели костер, приготовили по чашке местного горячего напитка, настоящего на каких-то сушеных травах. Дин свернул палатку.

– Идем, нижние скалы высасывают тепло из тела – тут нельзя долго останавливаться. Согреемся на подъеме.

Марк снова измерил взглядом высоту стен. Со вчерашнего дня скала ничуть не изменилась.

Дин повел его едва заметной тропинкой между камнями. Впереди, все ближе и ближе был слышен какой-то странный гул. Гул превратился в низкое гудение, то нарастающее, то спадающее в неровном ритме. Казалось, неподалеку дышит огромный дракон.

– Что это? – спросил Марк, и его голос почти потонул в шуме.

– Молчи, слушай, у нас мало времени, – Дин проверял все крепления на себе, затем, быстро просмотрел и подтянул все ремни на Марке.

– Дальше около ущелья ничего слышно не будет, поэтому сейчас слушай и запоминай: света не зажигать, бежать в моем темпе точно за мной.

Дин пристегнул к поясу Марка трос с карабином, другой конец застегнул на своем поясе: – Дерну один раз – замри. Дерну 2 раза считай до шести и беги. Беги за мной, в моем темпе. Опустив повязку. Свет не зажигай.

Марк повиновался без вопросов, и они побежали. За очередным поворотом им открылось ущелье, из которого вырывался ветер. Он гудел и завывал, едва не сбивая с ног. Дин с Марком вбежали в ущелье, открытые части тела мгновенно закололи иголки холода, глаза слезились. Марк бежал вторым, частично удары ветра принимал на себя Дин, но даже эта, выигрышная позиция не давала ему большого преиму-

щества. Ветер буквально выдавливал бегунов, толкая их в грудь вполне ощутимыми ударами холода и влаги. Капли воды стекали по их одежде.

В ущелье царил полумрак. Неожиданно полумрак сменился серым сумраком, и ледяной ветер остался где-то сзади. Оглянувшись, Марк увидел, что за их спинами смыкаются своды большой пещеры.

Бежать стало легче, но сумрак сменился мраком. Марк и Дин двигались синхронно в полной темноте. Отдаленный гул потерял свою громоподобность, стали слышны их шаги, многократно повторяемые эхом и их тяжелое дыхание. После ледяного душа в ущелье, воздух казался почти теплым, бег и ритм согревали. Если бы не темнота и отсутствие ориентиров Марк получал бы удовольствие от бега.

Он попытался по звуку эха, отражающегося от невидимых стен определить, что их окружает, но звуки вокруг больше запутывали, чем позволяли создать приемлемую картину. В конце концов, Марку стало казаться, что они бегут где-то в черноте космического пространства без конца и края.

Каменный пол под ногами неуловимо вел их вверх. Только тренированное чутье космического путешественника помогало Марку это выяснить. Он сконцентрировался и попытался при помощи своего внутреннего компаса построить модель их движения. Выходило, они бежали, описывая крутые спирали, забираясь все выше и выше. Иногда, когда отраженные звуки шагов, как будто пропадали, Марк понимал,

что они пробежали развилку. Дин ни секунды не колебался, ни на одной из них, как будто знал все проходы наизусть. Они не останавливались, не разговаривали, бежали быстро и в одном ритме. Воздух был ощутимо влажен, казалось, температура его постепенно растет.

Лишенный привычных органов чувств Марк, хотел он этого или нет, обратил свой внутренний взор внутрь себя. Он чувствовал мягкий ритм биения сердца, ощущал, как воздух заходит в легкие, грудь поднимается, расширяются ребра, сдвигается диафрагма. Он обнаружил, что каким-то непостижимым образом ощущает, как кислород впитывается в кровь, и легкие сжимаются, выгоняя согретый и заполненный углекислотой воздух прочь. Ощущения работающих мышц, сокращения – ткань за тканью, связка за связкой, сухожилие за сухожилием, растягивание и сжатие: весь спектр ощущений, который ускользал от него в обыденной жизни. Он чувствовал, как кровь бежит по сосудам, как проходит по всем органам и тканям, неся питательные вещества и кислород. Он чувствовал, как ритм бега отзывается во всем его теле – отзывается единым, общим темпом, которому подчинялись все части сложнейшей системы – все части его организма.

Время перестало для него существовать, в океане темноты вокруг перестало существовать и пространство. Оставался только он сам и огромная и таинственная мощь, скрытая в его теле.

Меж тем впереди стало ощутимо светлее, и стало возможно рассмотреть окружающие их серые каменные стены. Понеслось журчание воды, и они выбежали в небольшой светлый зал, в середине которого располагалось озеро. Дин остановился у воды, восстановил дыхание. Марк остановился рядом.

Еще не совсем отойдя от бега во тьме, он обнаружил, что его внутреннее зрение ничуть не уменьшилось от выхода на свет. Скорее наоборот, приобрело какую-то дополнительную глубину и резкость. И, обратив свой внутренний, новый взор на окружающий мир он внезапно охнул, оперся рукой о камень. Дин слегка придержал его за локоть.

– Я... – Марк чувствовал себя человеком, нырнувшим в ледяную прорубь, – Я..., да что же это... Я видел!

Он распрямился, его слегка шатнуло.

– Эта пещера, она идет от подножия горы из ущелья, которое вы называете «горячим», мы прошли мимо двадцати четырех поворотов, первые шестнадцать из них вели в северные шахты. Остальные просто пересекались с общим спиральным рукавом, выходящим на поверхность. Сейчас мы в трехстах метрах от поверхности в купольном зале. Когда озеро переполняется, и вода выливается вон в то отверстие, – Марк показал рукой, – внизу, на стоянке слышен легкий гул – это вода падает через отвесный колодец вниз. Свет... свет нельзя включать, потому что он тревожит летающих пещерных хищников. Виров?

– Вииров, – поправил Дин.

– Вииров. Я... я все это вижу. Видел. Что со мной, Дин?

Дин уселся на камень, опустил голову.

– Дин! – позвал Марк, – Объясни, что со мной творится?

Я ни разу до этого не был здесь, как я все это понял? Что со мной творится???

– Это твое второе рождение, – едва слышно сказал Дин, –

Теперь ты почти готов к Бегу.

– А если еще раз..., – Марк махнул головой на тоннель.

– Может быть, – Дин отвечал, не поднимая головы:

– А может быть, и нет. Теперь, это может случиться в любом месте и в любое время. После третьего раза научишься это контролировать. Мы зовем это Испытанием.

– Испытанием? Почему испытанием?

– Это то, от чего ты меняешься, отчего сразу становится понятно Бегун ты или нет. Ты – Бегун.

– А что если...

– Есть еще много путей. Племя Онн это не только поселок у границы защитной полосы Долины. Это еще и лагерь добытчиков в предгорьях, и шахтные рабочие внизу, и некоторые стражники на стене Города. Каждый несет свою часть Бега и делает племя сильнее там, где может.

Марк набрал в ладони воды и смыл с волос пот, пополам с крупинками песка.

– Сегодня мы заночуем в предгорьях, ты увидишь, что отличает Бегуна от остальных. Или, если еще не пришло вре-

мя, не увидишь.

– Но почему.... Как, это произошло со мной?

Дин вздохнул, опустил к воде, напился из озера, зачерпнул еще, снова присел на камень.

– Ты думаешь Зерно жизни племени только в долине, в глубине пустыни?

Дин обвел рукой пещеру.

– Оно вокруг. Оно проникает всюду, когда ты в пустыне оно в воде, пище, воздухе, скалах и песке. Оно изменяет тебя. Ритм и темнота – только катализаторы.

Марк еще раз умылся, песок с его головы и рук ушел на дно, озеро снова обрело хрустальную прозрачность.

– Зерно. Это ведь наркотик, яд?

– Да, яд.

Дин показал свой пояс.

– Смотри: вот этот яд – вытяжка из корней листоклюва, обеззараживает рану. Вот этот – охлаждает кожу при ушибе. Вот этот – помогает при обморожении.

Он открыл второй больший отсек в своей сумке:

– А тут собраны препараты, сделанные на основе Зерна. Этот – позволяет мгновенно снять усталость. Этот – усилить память, чтобы запомнить много информации, этот – позволяет на некоторое время не чувствовать боли, а это... Мы зовем его «Последний рывок» – помогает на некоторое время сильно увеличить скорость бега. Но потом.... Потом, он убивает. Яд всегда убивает. Быстро или медленно. Идем.

Дин поднялся, совершенно кошачьим жестом стряхнул с шерсти песок и пошел к выходу. Марк еще раз приложился к воде и пошел следом.

Поселок, который увидел Марк, располагался в небольшой роще, на берегу речки, скорее ручья, питающего подземное озеро. Здесь заготавливали фрукты для живущих в лагере в пустыне, здесь отдыхали шахтеры, после дневных трудов в шахте.

Похоже, их прибытия ожидали. Марка приняли как члена племени, не задавая ни единого вопроса. Только дети, выглядывающие из хижин, бросали на него любопытные взгляды.

Он обратил внимание, что в отличие от сухих и поджарых пустынных жителей, местные были крепки и коренасты. Они были шире в плечах и слегка разговорчивее пустынников. На этом различия и заканчивались.

Узнав, чем в основном заняты местные жители, Марк понял, откуда у них такое телосложение. День за днем мужчины поселка спускались вниз в черноту подземных коридоров, где в полном мраке откалывали от стен куски черного камня (насколько понял Марк, что-то сходное с каменным углем). Затем, они складывали этот камень в корзины и поднимали их наверх, еще выше в горы, складывая в специальные хранилища. Женщины тем временем плели корзины, го-

товили пищу, пасти немногочисленный скот, собирали сладкие горные фрукты.

Чудовищный объем работы стал ясен Марку только тогда, когда он увидел громадную пещеру-склад от края до края наполненную корзинами с камнем. А потом еще одну, и еще...

Коридоры, которыми они поднимались из пустыни, были искусственного происхождения.

Он подождал, когда они останутся с Дином одни и спросил:

– Зачем им столько камня?

– Нам, – поправил его Дин, – камень нужен нам всем. Завтра я покажу тебе.

Вечером, все поселение собиралось вместе у общего очага. Женщины разносили угощение и местное пиво. Марк понял, что они как раз успели к какому-то местному празднику, отмечающему важную веху в их грандиозной работе. Какую именно, он пока понять не мог.

Местные громко переговаривались, обсуждая повседневные дела, вспоминали редкие или забавные случаи. Пиршество шло своим чередом. Только вокруг Дина с Марком общее веселье как будто стихало. Они были призраками, случайно забредшими в мир живых и наблюдающие за праздником, не в силах принять в нем участие.

Постепенно обильная пища и алкоголь брали свое, и народ расходился по домам. Марк почувствовал, что голова его стала очень легкой, а тело, наоборот, неподъемным. С непри-

вычки местное пиво оказалось крепковатым, а, измученное испытаниями тело, требовало отдыха. Марк кое-как добрался до выделенной им хижины и мгновенно провалился в сон.

Утреннее солнце разбудило его, заглянув через неприкрытое окно в дом. Дин снова ушел на пробежку, и Марк опять пропустил его уход. Следовало признать, что причина его безмятежного сна не в том, что Марк потерял определенные навыки, просто, на подсознательном уровне, он доверил этому существу свою жизнь, доверил полностью и безоговорочно.

Утром они, позавтракав, направились выше в горы. Воздух здесь сделался суше и холоднее. Длинной вереницей за ними потянулись все жители поселка.

По пути наверх им встретилось еще несколько пещер – хранилищ черного камня, частью полупустые, частью совершенно опустошенные, со следами множества корзин. Еще выше в горы в пещерах попадались не только корзины с камнем, но и просмоленные бочки. Тропинка виляла и петляла от одной пещеры к другой. Казалось, ей не будет конца.

Наконец, они поднялись на самый верх, и у Марка перехватило дыхание.

Они стояли на одном из семи огромных ледяных пиков, подпирающих небо. За его спиной открывался вид на срединные горы, на многочисленные зеленые долины, одна из которых скрывала лагерь. А впереди...

Впереди, до самого горизонта расстилалось море дюн, ко-

торые с такой высоты казались мелкими барашками волн в необозримом океане песка. Дин шагнул вперед, к самому краю, образуящему многокилометровый провал, и, открыв лицо ветру и солнцу, показал пустыне раскрытую ладонь. Его жест повторили все жители поселка. Марк, стараясь скрывать страх, тоже шагнул к краю и отдал свой салют пустыне.

Отдав дань традиции, все вдруг засуетились. Женщины взяли из ближайшей пещеры ведра, мужчины забегали с корзинами. Марк с Дином влились в общий поток. Они забирали из ближайшего хранилища тяжелые корзины и несли их наверх. Там, в толще ледника была прорублена глубокая борозда. Черный камень ссыпали в эту борозду. Следом подошли женщины и выливали сверху на камень что-то из своих ведер. Судя по цвету и запаху, это была сырая нефть.

Марк понял, что эта полоса вырубленного льда идет через весь ледник, пересекая его по прямой линии. Вся борозда до самого края ледника была заполнена камнем, оставался лишь небольшой участок, который наполнялся прямо на глазах. В ближайших хранилищах камень закончился, пришлось опускаться ниже, но и носить стало ближе, так как полоса начиналась у самого подъема к леднику.

Наконец, борозда оказалась заполнена. Примерно прикинув ее глубину, ширину и длину, Марк понял, что поднять все это из глубины пещер, прорубить твердыню льда и перенести камень в прорубь – задача для целого поселения не на

один сезон. Здесь были плоды тяжкого труда за 2-3 года.

Корзины были аккуратно сложены в сторонке, угощения подготовлены, жители поселка собрались вместе у края полосы, и Марк снова ощутил в воздухе дух ритуала. Дин шагнул вперед и опустился на одно колено. Он потрогал лед, провел ладонью по неровному рубленому краю. С силой втянул воздух, как бы пробуя его на вкус, затем распрямился и повернулся к остальным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.